

ГЕРМЕТИКОН

ВАДИМ ПАНОВ

КАРДОНИЙСКАЯ ПЕТЛЯ

Вадим Юрьевич Панов

Кардонийская петля

Серия «Герметикон», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4994899
Кардонийская петля / Вадим Панов: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-62332-7

Аннотация

Всемогущая Компания втянула Кардонию в братоубийственную войну. Пламя взаимной ненависти вспыхнуло над планетой, и в нем сгорают не только судьбы отдельных людей, но и будущее Герметикона. В этом пламени рождаются люди, умеющие и желающие убивать. Люди, готовящиеся к еще большей войне. Люди, чужой кровью прокладывающие себе дорогу наверх. Но у каждого своя война. И знаменитый путешественник Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур лезет в самое пекло, чтобы раскрыть наконец тайну гибели своей возлюбленной Лириан... «Кардонийская петля» – долгожданное продолжение цикла «Герметикон»!

Содержание

Пролог,	5
Часть I	15
Глава 1,	15
Глава 2,	57
Глава 3,	95
Глава 4,	135
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Вадим Панов

Кардонийская петля

Пролог, *в котором Помпилио и Сантеро не знакомятся*

– Ваше полное имя? – Коротенькая пауза. – Пожалуйста. Вежливое «пожалуйста» добавлено без издёвки, спокойным, размеренным тоном, и ответить алхимик постарался так же. С достоинством.

– Адам Сантеро.

– Звание?

– Фельдмайор Ушерской армии.

Полевая форма порвана в трёх местах, а левый рукав и вообще держится на честном слове. К тому же форма грязная, вся в пятнах: где-то глина, где-то кровь; не форма, одним словом – обноски... Нет, всё-таки форма – мундир! Офицерский мундир, чтоб вас всех трижды в левый борт! И Адам, собрав в кулак оставшиеся силы, чётко добавил:

– Кардонийская Конфедерация.

Землеройки на мгновение сбились: удивлённый писарь отрывает взгляд от листа и таращится на пленного, офицер мрачнеет, но выдерживает взгляд Сантеро и продолжает спокойным, размеренным тоном:

– Часть?

«Никогда не подумал бы, что землеройки могут быть та-

кими педантами. Для чего вопросы, если меня уже допросили и приговорили?»

Хотелось рывкнуть что-нибудь злобное, дерзкое, но вежливость врага заставляла вести себя соответственно. Вежливость врага нащёптывала: «Не надо терять лицо. Сейчас – тем более». И Сантеро продолжил в прежнем ключе:

– Двадцать седьмой отдельный отряд алхимической поддержки.

– Должность?

– Я не имею права отвечать на этот вопрос.

Писарь скрипит пером, старательно выводя на белой бумаге витиеватые закорючки. Вписывает очередное предложение в дело, которое будет очень коротким. Собственно, оно уже закончилось.

– Распишитесь, господин фельдмайор, – просит землеройка, и писарь поворачивает лист к пленнику. Чёрные закорючки едва доходят до середины, внизу полно места для размашистого автографа.

– Зачем? – не выдержал Адам. – Для чего расписываться?

– Собственноручная подпись лучшее свидетельство того, что экзекуция проведена именно над тем, кто был к ней приговорён.

– Экзекуция? – И вновь проклятые нервы! Сантеро знал, что впереди маячит смерть, но стоило забрезжить надежде, как язык затрепетал, задавая унижительный вопрос: – Я думал, меня казнят.

– Не будем забегать вперёд, господин фельдмайор. – Землеройка позволил себе ухмылку. – Пожалуйста, распишитесь.

– Раз вы настаиваете. – Адам сумел взять себя в руки.

– Благодарю.

– Не стоит.

Сантеро поставил автограф – пальцы, кстати, не дрожали, – мечтая лишь об одном: откусить и выплюнуть предательский язык, едва не опозоривший его перед врагом.

Офицер оценил. Дождался, когда писарь прокатит ро-счерк грубым, заляпанным чернилами пресс-папье, и поднялся из-за стола.

– Я знаю, что не имею права вам приказывать, господин фельдмайор, но будьте добры встать смирно.

Сантеро выпрямился и гордо вскинул подбородок. Плевать ему было на драный мундир и холод внутри, он офицер, он обязан с честью выслушать приговор.

– Заседание военно-полевого суда Двенадцатой бронетанковой бригады вооружённых сил Приюты. Рассмотрено дело военнопленного Адама Сантеро, фельдмайора вооружённых сил Ушера. Приговор: на основании третьей поправки к Военному кодексу Кардонийской Конфедерации приговорить фельдмайора Адама Сантеро к смертной казни через повешение.

Всё правильно: паровингерам, диверсантам, снайперам и алхимикам – виселица. Ах да, петля полагается ещё и сра-

жающимися на нашей стороне эрсийцам, которых землеройки считают наёмниками. Ещё, по слухам, перед казнь эрсийцам отрезают носы и уши, но сейчас речь не об эрсийцах. Паровингерам, диверсантам, снайперам и... Адам знал, на что шёл, отправляясь в отряд алхимической поддержки, знал, что попадаться нельзя, и не собирался. Но попался, так получилось. А потому теперь он с трудом подыскивал подходящие слова.

Не подготовился.

– Приговор военно-полевого суда обжалованию не подлежит, – опередил Сантеро землеройка.

– Что?

Нельзя отвлекаться в столь ответственный момент, это может привести к неловкой паузе. Неловкой, потому что приётец тоже не получает удовольствия от происходящего.

– Приговор военно-полевого суда обжалованию не подлежит, господин фельдмайор.

– Да, я знаю, – кивнул головой Сантеро. Ему вдруг стало скучно. И ещё ему надоело в этой небольшой, с одним-единственным окном во двор, комнате. Вот ведь странно, ему не стало страшно...

– Мы сообщим вашему командованию о месте погребения.

– Это все?

– Да, – натянуто ответил землеройка. – У вас есть последнее желание?

– И у тебя хватило ума отказаться?!

Уничижительный тон вывел Адама из себя, и алхимик попытался окрыситься:

– А что попросили вы? Папиросу?

– Револьвер с одним патроном, разумеется.

– Хотели застрелиться?

– Ядрёная прищпа! – взревел широкоплечий собеседник. – Даже алхимику с провинциальной планеты нельзя быть таким идиотом! В конце концов, это неприлично.

– Но...

– Я планировал застрелить их, кретин.

– Одним патроном?

– А ты умеешь стрелять из разряженного оружия? Сколько возьмёшь за пару уроков?

– Я...

– Ядрёная прищпа! Ну, почему мне постоянно встречаются люди, которые сначала говорят, а потом думают? Добрый Маркус, ты это видишь?

Человек, с которым судьба свела Адама перед казнью, оказался лингийцем, поскольку Доброго Маркуса он поминал так же часто, как неведомую Сантеро прищпу, ядрённость которой вызывала у алхимика определённые сомнения. Человек был лыс, широк в кости, облачён в удобный костюм путешественника – относительно чистый и совсем не порванный, в отличие от мундира Адама, – и держался настолько

самоуверенно, что в его адигенском происхождении не оставалось ни малейших сомнений.

– Тебя когда-нибудь приговаривали к смерти?

– Как?

– Ядрёная прищпа, он ещё и глухой! – всплеснул руками лингиец. – Хочешь поболтать перед тем, как нас расстреляют, или собираешься тихо плакать в углу?

– Нас повесят.

– Тебе дважды повезло, ушерец: ты примешь благородную смерть от пули, а не постыдную от верёвки. Меня нельзя вешать, а раз ты оказался рядом, тебя тоже расстреляют.

Определённый резон в заявлении был, однако числительное алхимика смутило:

– А когда мне повезло в первый раз?

– Когда тебя впихнули в мой фургон, – как маленькому, объяснил адиген. – Поговорить со мной перед расстрелом, да ещё и умереть рядом – большая честь для тебя, ушерец. Строчку с твоим именем прочитают лингийские дары. Невнимательно, разумеется, так, пробегут глазами, но на эту секунду ты войдёшь в историю.

Сантеро с трудом сдержал стон.

Адам предполагал, что по дороге на казнь он будет молчать, полностью погружённый в собственные мысли, ведь, когда нечего терять, всегда есть, что вспомнить, чему улыбнуться, о ком подумать... Однако присутствие в фургоне лысого спутало карты. Неизвестно откуда взявшийся адиген –

он уже сидел внутри, когда конвоиры доставили Адама, – вёл себя совершенно по-хамски, а самое печальное заключалось в том, что Сантеро не понимал, боится лингиец или же действительно плевать хотел на приближающуюся смерть.

– Могу я узнать ваше имя?

– Нет.

– Нет? – изумился алхимик.

– Не вижу смысла.

– Но...

– К тому же мы приехали. Ущерец, ты веруешь в Господа?

– В последнее время моя вера несколько пошатнулась...

– Хватит бредить, – поморщился лысый. – Если веруешь, то скоро обретёшь бессмертие, если нет – станешь грязью. Выбирать тебе. – Деревянные, обитые жестью дверцы распахнулись, адиген важно вышел, зевнул и заметил стоящему справа приотскому офицеру: – Прекрасное место.

– Благодарю.

Фургон доставил приговорённых на залитую солнцем опушку густого смешанного леса. Всего несколько часов назад в Межозёрье шли жестокие бои с использованием огромного количества боевой техники, и Адаму казалось, что в ходе сражения они с землеройками перепахали всё, что только можно, однако именно этой опушке повезло уцелеть. Но война добралась и сюда.

– Вам придётся выкопать могилы, – сообщил землеройка.

А рядовой, подтверждая слова офицера, воткнул в землю

две штыковые лопаты.

– И не подумаю, – отрезал адиген, безгловато глядя на шанцевый инструмент.

– Но вы должны, – растерялся офицер.

– Я?! Должен? Ядрёная приппа! Я даже обсуждать это не собираюсь!

– Я тоже не стану копать, – добавил Адам.

– Тогда мы вас повесим! – рявкнул опомнившийся приотец. – Веревка есть, а могила не понадобится.

Сантеро собрался высказаться в том плане, что именно к петле его и приговорили, но лысый опередил алхимика.

– Кто выкопает мне могилу? – осведомился помрачневший адиген, обращаясь к солдатам, и Адам с удивлением понял, что угроза подействовала: болтаться на веревке гордецу не хотелось. – Мне нужен землекоп.

В ответ раздались смешки.

Лысый повернулся к офицеру:

– Насколько я помню, моё имущество будет передано родственникам?

– Совершенно верно, – подтвердил приотец.

– Тому, кто выкопает мне могилу, я завещаю медальон! – Адиген снял с шеи золотой овал с изображением Доброго Маркуса и продемонстрировал его молниеносно заинтересовавшимся солдатам. – Даже в самой захудалой скупке за него дадут не меньше цехина.

– Я выкопаю, – подался вперёд один из рядовых.

– Отлично, доброволец, за работу. – Лысый сложил на груди руки. – И пошевеливайся, терпеть не могу лентяев!

Сантеро негромко выругался, поморщился, поймав на себе выразительный взгляд командующего экзекуцией офицера, и тоже взялся за лопату.

– Слышал, ваше последнее желание было весьма экстравагантным, – улыбнулся офицер, глядя на адигена.

– Теперь я согласен на трубку, – мгновенно отозвался лысый. – Это лучше чем ничего.

– Моя сгодится?

– Вполне.

Адам покачал головой и обречённо вонзил лопату в землю. До расстрела оставалось примерно полтора метра мягкой приотской земли.

Часть I

Змеиный мост

Глава 1, *в которой Нестор выслушивает Помпилио, Сантеро выходит к реке, Арбедалочик принимает решение, а Орнелла начинает день с приключений*

«Милая моя, Этна!

Понимаю, что, наверное, надоел тебе своими размышлениями, но я не могу не думать... Ты ведь знаешь это лучше всех, не так ли? Я думаю, размышляю и – да, постоянно повторяюсь, но только потому, что тема слишком важна, и я не могу её оставить.

Я всё время думаю об этой проклятой бойне.

Помнишь, когда произошла битва за Валеман, мы с тобой, милая Этна, пришли к выводу, что плохой мир гораздо лучше победоносной войны? Вывод, как сказали наши прогрессивные и гордые друзья, пошлый

и прозвучавший из многих осторожных, недостаточно патристических уст. Наши друзья считали, что Приоту необходимо «проучить»... Я давно с ними не общался, с нашими друзьями, я не знаю, где они и чем занимаются, зато я знаю, что плевать хотел на их мнение. Мир лучше, теперь я уверен в этом гораздо сильнее, чем после Велемана.

Наверное, потому, что теперь я военный.

Или потому, что нам пришлось расстаться.

Мне приходится писать тебе письма, милая Этна, но так, наверное, даже лучше, потому что письма – это маленькая исповедь. Они совсем не похожи на разговор, письма проще и сложнее одновременно. Я не вижу твоих глаз, но представляю их. Я не слышу твоего голоса, но представляю его. И я думаю над каждой буквой, потому что слова, которые прилетят к тебе на бумаге, должны быть мной.

Письма – они очень честные, но я узнал об этом, только став военным.

Я изменился.

Помнишь, мы сидели на берегу, на нашем месте у крепости Тах, помнишь? Это было за день до поездки в Унигарт. Мы купались, ели хлеб с сыром, запивали его красным вином и смотрели на закат. А потом ты почему-то сказала про войну. Ты сказала, что нашим детям, которые у нас скоро появятся, она совсем не нужна. Я согласился. А теперь я офицер действующей армии. Странно, да? Я – офицер.

Извини за сумбур.

Мы побеждаем, моя милая Этна, мы побеждаем, но успех меня не греет. Приотцы бестолковы и тем отнимают у нас заслуженные почести. В чём радость победы, если противник совсем глуп? Иногда мне кажется, что мы убиваем беззащитных, и от этого становится тоскливо. Я не вижу в приотцах смертных врагов, потому что они кардонийцы. Да, они предали Конфедерацию, с потрохами продались Компании, но всё-таки они наши братья. И плохо воюют. И умирают, потому что мы лучшие обучены и вооружены.

И мне тоскливо».

*Из личной переписки фельдмайора Адама Сантеро
27-й отдельный отряд алхимической поддержки*

Приота, окрестности озера Пекасор, начало сентября

– Осветительный! – рявкнул Адам. – Не спать, манявки!
Осветительный!

Три предыдущих выстрела, три алхимических солнца, ещё несколько секунд назад пылавших над полем боя, теперь издыхали под натиском ночи, и срочно требовалась добавка.

– Гессель! Чтоб тебя трижды в левый борт!

– Уже!

Сантеро оторвал взгляд от бинокля, собираясь обматерить нерадивого сержанта, но, увидев, что мортирка снаряжена, передумал.

– Огонь!

Орудие, установленное позади главной башни «Ядрата»,

бодро выплюнуло заряд, «светлячок» взлетел в ночное небо, воспламенился и повис на раскрывшемся парашюте. А расчёт уже готовил следующий выстрел.

– Отлично!

Адам отвернулся и вновь взялся за бинокль, внимательно изучая наступающие на Оскервилль бронетяги. Точнее – захватывающие Оскервилль бронетяги, поскольку прорыв удался и бой шёл на центральных улицах городка. Даже не бой – побоище, ибо застигнутые врасплох приотцы не сподобились на сколь-нибудь серьёзное сопротивление. Левый берег практически сдан, только на Ратушной площади идет перестрелка, но она ничего не изменит, поскольку мост целёхонек, подступы к нему открыты, и штурмовой отряд скоро прорвётся на ту сторону.

Прорвётся – в этом Сантеро не сомневался. Правую сторону Оскервилля его «Азунды» пока не трогали, но скопившимся там землеройкам радоваться не стоит...

– Вперёд! Вперёд!

– Там же сад!

– Плевать, кретин! – надывается Хильдер. – Нужно вывести машины! Скорее!

Как же они не понимают? Сейчас бронетяги заперты на небольшом поле, где в мирное время ночевали трудяги-паротяги. Слева и справа склады, мастерские, впереди сад и узкая, кривенькая улочка, а за ними – рыночная пло-

щадь и выход на ведущий к мосту бульвар. Через улочку мехэскадрон будет проламываться долго, тяжеленные «Донне-ры», вооружённые гладкоствольными 120-миллиметровыми пушками, вытянутся в цепочку и, если волосатики уже провалились на правый берег, бронетяги станут лёгкой мишенью для вражеского огня. Нужно рвать через сад.

– Вперёд!!

Левый берег Оскервилля ухаёт артиллерийскими разрывами и горит в алхимическом огне. Левый берег пал, и теперь нужно драться за мост, не позволить ушерцам взять его и отрезать застрявшие на том берегу части. Нужно успеть к мосту!

И фруктовые деревья ложатся под гусеницы бронетягов. Восьмой мехэскадрон вырывается на рыночную площадь, от которой всего один бросок до моста. Восьмой мехэскадрон ревёт двигателями, внушая уверенность мечущимся по улицам стрелкам. Восьмой мехэскадрон готовится к атаке, и...

И оказывается под ударом.

Два бомбардировочных крыла паровингов зашли на освещённый алхимиками город, как на учениях: ровным строем, на небольшой высоте, совершенно не опасаясь огня снизу. Огромные и тяжёлые машины несли по четыре тонны взрывчатых подарков, которые уверенно накрыли улицы и площади правого берега, внося сумятицу в ряды едва опомнивших-

ся землероек.

Два захода, мощные разрывы, клубы чёрного дыма в сером небе, уходящие на базу паровинги, и Адам начинает нервничать:

– Где же кирасиры?

Но уже в следующий миг с облегчением вздыхает: у моста показывается авангардный «Бёллер».

– Землеройки!

– Откуда они здесь? – хохочет Крачин.

– Воевать хотят!

– Придурки!

Два шестиствольных «Гаттаса» заводятся, разгоняются до предельной скорости и, воя, безжалостно поливают свинцом высыпающих на мост приотцев. Топят в свинце, в клочья разрывая неудачников. Пуль настолько много, что их даже видно, и кажется, будто перед мчащимся на правый берег «Ядратом» летит осиный рой. Пуль много, и они сносят землероек гораздо лучше медлительных пушек. Два курсовых «Гаттаса» – это страшно.

«Ядрат» выныривает на небольшую площадь у моста, тут же уходит вправо, освобождая проход «Бёллеру», тот лупит фугасным, сметая орудийный расчёт приотцев, за ним появляется второй «Бёллер», а следом лезут «Клоро» с кирасирами.

«Высаживаться?»

Несколько мгновений Аксель размышляет, оценивает обстановку, наблюдает за убегающими стрелками, после чего скидывает вверх руку с желтым флагом:

«Продолжаем атаку на бронетягах!»

И «Клоро» неохотно притормаживают.

Маленький Оскервилль был последним по-настоящему укреплённым пунктом приотцев на левом берегу Хомы. Чуть севернее дела у землероек обстояли лучше, но здесь, в двух сотнях лиг от Банигарта, ушерцы рвали противника, как хотели, и вплотную прижали к главной реке континента. В районе Оскервилля широченная Хома сужалась, что дало возможность построить мост, а поскольку на пятьдесят лиг вверх и вниз других толковых переправ не наблюдалось, значимость небольшого городишки была колоссальной.

До сегодняшней ночи Оскервилль отстоял от условной линии фронта на сорок лиг, приотцы считали его тыловым, но резкий рейд ушерцев наглядно продемонстрировал землеройкам, что такое маневренная война.

– Миномёты на два часа!

– Пушки там же!

Рано, получается, обрадовались. Не весь левый берег защищен.

Адам поворачивается в указанном направлении и видит землероек, на руках выкатывающих три шестидесятимил-

лиметровые полевые пушки, специально разработанные для борьбы с бронетягами. Пробить защиту огромной машины таким орудиям не под силу, зато испортить гусеницу – пожалуйста. А терять сейчас ход Сантеро не имел права.

– Выстрел!

В борт «Ядрата» врежется снаряд, заставляя Адама нырнуть в душную башню содрогнувшегося бронетяга. Даже для облегчённого, «командирского» «Ядрата» выстрелы из «шестидесятки» – ерунда, но следом идут «Азунды», а у них брони ещё меньше, потому что каждой приходится тащить по шесть здоровенных баллонов с «Алдаром», фоговой смесью для огнемёта. Если хоть одну цистерну пробьют, получившийся костер увидят даже из Банигарта. Положенный «Бёллер» прикрытия забрал фельдполковник, атакующий Оскервилль в лоб, вот и выкручивайся...

– Сантеро! Что у тебя? – завопило радио голосом Лепке.

«Чтоб меня трижды в левый борт! Зачем вспомнил начальство?!»

– Соппротивление. Преодолеваю!

Адам торопливо отбросил микрофон – продолжать разговор с фельдполковником желания не было, – схватил два красных флага и выбрался на башню. Но отдавать приказ не понадобилось: экипаж первой «Азунды» разобрался в происходящем и разворачивается, собираясь накрыть землероек.

А перед глазами Сантеро на мгновение появляется кар-

тинка чрева огнёмётного бронетяга. В нём жарко, как в бане, но экипаж не снимает респираторы – «Алдар» ядовит, просочится где – выхаркаешь лёгкие за три минуты. И плотную чёрную форму никто не снимает, хотя все знают, что от вспыхнувшей смеси не спасёт ничто. Все знают, но действуют по уставу. Сейчас заряжающие показывают три пальца: три шага подготовки выполнены, выстрел готов; наводчик вносит последние правки, командир отдаёт приказ, и огненная полоса режет серое небо, накрывая приотских артиллеристов плотным и жарким.

– Вперёд! – командует Адам.

«Ядрат» летит к горящим землеройкам. Воплей не слышно, но Сантеро знает, что они есть. Вопли обожжённых «Алдаром», как показывает опыт, длятся до десяти секунд, и потому Адам приказывает:

– Огонь!

И оживают курсовые «Гаттасы», избавляя пылающих землероек от мучений.

А ещё через несколько секунд «Ядрат» давит то, что осталось от миномётов и «шестидесятки», и алхимический пост номер три выходит на берег Хомы, готовясь поддержать огнём рвущихся на правую сторону кирасиров.

Перед которыми как раз вырастают мощные «Доннеры».

Чтобы авиационная бомба попала в цель, сбросить её нужно заранее, точно рассчитав скорость, расстояние, высоту,

да ещё и попытавшись предугадать движение врага. Все эти сложности превращают бомбардировку подвижных объектов, даже таких больших, как бронетяги, в увлекательную игру «ударь по площади, а там как повезёт»: паровингеры сыплют смертоносный груз туда, где должны находиться цели, больше полагаясь на удачу, чем на расчёт. В борьбе с прекрасно защищёнными бронетягами такой подход срabатывает в одном случае из сотни, но сегодня волосатикам повезло: одна из бомб ложится точно в третью машину, а потому до моста добираются лишь три «Доннера» восьмого мехэскадрона.

Но даже в таком составе они представляют грозную силу.

Связь с командованием до сих пор отсутствует, и задачу для своего подразделения Хильдер определяет просто: вышибить прорвавшихся на правый берег волосатиков и удерживать мост до подхода подкреплений.

Всё просто.

– Огонь!

«Доннеры» синхронно долбят, три 120-миллиметровые бронебойных врезаются в первый ушерский «Бёллер» и мгновенно превращают его в груды перемолотой брони.

– Ура!!

– Дерьмо!! Сантеро! Нас накрыли!!

Ни одно сражение в истории никогда не шло так, как запланировано, и задача хорошего командира заключается

не в том, чтобы предусмотреть все возможные неожиданности, а в том, чтобы быть готовым. Ко всему.

Аксель оставляет радио и рывкает:

– Спешиться!!

Зелёный флаг вверх, кирасиры послушно сыплются из «Клоро», грохочет следующий залп, и второй «Бёллер» прикрытия разлетается на куски. Три «Доннера» – это серьёзно. Противостоять им кирасирам нечем, их козырь – скорость, потому «Ядрат» и «Клоро» не вооружены даже пушками. «Гаттасы», конечно, поливают тяжёлые бронетяги землероек роями пуль, оставшийся в строю «Бёллер» пытается пробить монстров из скорострельной стомиллиметровки, но Аксель, ведущий перестрелку с оживившимися приотскими пехотинцами, прекрасно понимает, что главная их надежда – сидящие на левом берегу алхимики.

– Им плохо!

– Я вижу!

Радио молчит – Крачин покинул «Ядрат», но Аксель сказал всё, что должен. Акселю нужна помощь.

Даже без бинокля Адам видит костры на том берегу – это «Бёллеры». У самого моста сгрудились «Клоро», а дальше – «Доннеры». Главное, что он видит – уцелевшие после авианалёта «Доннеры», – и понимает, что другой серьёзной силы у засевших на правом берегу землероек попросту нет.

– Максимально к берегу! – орёт Сантеро и машет рукой. –

Скорее, чтоб вас трижды в левый борт! Скорее!!

«Ядрат» показывает манёвр, и «Азунды» послушно выезжают на самый край набережной. Здесь Хома метров пятьсот, «Доннеры» отстоят от реки ещё на сотню, получается далековато, но выхода у Адама нет – нужно стрелять.

– Товьсь!

Наводчики видят цели, сообщают о запредельном расстоянии, командиры ругаются, скрипят зубами, но приказывают увеличить давление, заряжающие, поминая святую Марту, исполняют, Сантеро машет флагом, и через Хому перелетают четыре раскалённые дуги. Четыре тонких моста, испепеляющих всё на своём пути.

«Алдар» горит сам и сжигает всё вокруг; плотно обволакивает бронетяги и проникает в самые маленькие щели, чтобы запылать внутри. А если не получается – докрасна раскаляет металл снаружи, превращая огромную машину в доменную печь.

«Алдар» убивает всё, к чему прикасается, и Хильдер спасся только потому, что был командиром. Он как раз высунулся из башни, собираясь оглядеть поле боя, случайно бросил взгляд на левый берег Хомы, увидел взметнувшиеся дуги и кубарем скатился по броне вниз, не позволив фоговой смеси прикоснуться к себе. Скатился на булыжник мостовой. Подальше от огненного ужаса, который через секунду накрыл его «Доннер».

Два других бронетяга попытались отступить, но не сумели уйти от новых дуг с того берега. Стрелкам, едва-едва воспрявшим духом, тоже досталось, но Хильдер этого не видел.

Ян бежал. Бежал со всех ног, моля святую Марту о помощи. И вместе с ним бежали те, кто дорожил своей жизнью. Кому повезло.

Ровно в четыре десять, за двадцать минут до рассвета, Оскервилль полностью перешёл под контроль ушерцев. Фельд-полковник Лепке подавил последние очаги сопротивления на левом берегу, дотла сжёг ратушу и старый форт, заставив остатки приотцев в панике отступить на север. Кирасиры Крачина зачистили правый берег и заняли оборону на окраинах, ожидая прибытия подкреплений. Чуть позади встали алхимические посты, готовые сжечь землероек, рискни они перейти в контратаку. Но попыток отбить Оскервилль не последовало: пропустившие неожиданный удар приотцы показали назад, не мешая ушерцам развивать успех.

* * *

Если всё вокруг плывёт, это ещё не значит, что ты на корабле. Или на цеппеле. Или хотя бы в скользящей по быстрому потоку лодочке.

И дым – не всегда пожар или огонь.

Он бывает просто так.

Ароматный дым плывёт вокруг и ведёт тебя за собой, но ты давно не помнишь аромат, хотя он ласков дарящими радость травами, благоухает спокойствием и поглощает всё, что делает тебя чёрным. Аромат ведёт тебя в дым вслед за флейтой, что плывёт невидимо, но делает тебя музыкой. И разгоняет тоску, заставляя замереть в тишине дыма и флейты. Аромат и мелодия прячут тебя в себе. Пытаются примирить с кровью, что чёрным вытекает изнутри.

Дым берёт твою боль.

Но она вернётся, потому что дым не вечен.

Ты плывёшь дымом, становясь мелодией флейты. Срываешься вдаль, и больше нет в тебе надрыва.

Травы радости, что прячутся внутри аромата, умоляют тебя стать счастливым. Ты поддаёшься, не желая их обижать. Ты растворяешься, но чёрного много, а настоящую радость нельзя найти в травах.

Ты это понимаешь, но всё равно ныряешь в дым.

Ведь каждому нужна радость, пусть и ненастоящая. Каждому есть, что забыть. У каждого есть чёрное, которое нужно отдать.

Просто у некоторых его слишком много.

Чёрного.

И ты становишься мелодией, растворённой в облаке искусственной безмятежности. Наслаждаешься бесконечной вереницей образов счастья и напитываешься спокойствием всех трав Герметикона. Ты принимаешь ненастоящую ра-

дость и обретаешь мир с собой. А когда мелодия умирает, жалобно шепчешь:

– Нет...

Потому что хочешь остаться в спокойствии дыма и музыки, где чёрного нет, а ОНА жива и вы навеки вместе.

Но мелодия умирает. Ты злишься, пытаешься держать её... напрасно. Мир в душе меняется на мир вокруг, ты больше не плывёшь и нехотя открываешь глаза.

И видишь стоящего у ложа человека... Мужское лицо... Сначала непонятное, потом смутно знакомое. Потом...

– Нестор! – Фраза получается тягучей. – Ядрёная прищипа...

Это не ругательство, хотя может им быть, это присказка на все случаи жизни. Мужчине об этом известно, поэтому он улыбается:

– Я тоже рад тебя видеть, кузен! Выглядишь, как всегда, молодцом. Наркотики?

Голос громкий, бодрый, фразы быстрые, но это плохо, потому что в голове пусто и чуть-чуть звонко: травы пожирают не только чёрные мысли, но всё, чтобы не ошибиться. Ответ на вопрос приходится искать пару секунд, зато находится правильный:

– Транс.

– А как сказал я?

– Благовония и звуки, – уточняет хозяин дома. – Только они.

И вытирает потный лоб тонким платком.

Адигены встретились в небольшой, с низким потолком комнате, старательно задрапированной плотным тёмно-красным бархатом. На полу толстый ковёр, на потолке толстый ковёр, три большие жаровни выдыхают медленный дым, а в центре – приземистое ложе в калеванском стиле, на подушках которого и возлежал облачённый в шёлковый халат Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур. Могучий, но расслабленный. Выглядящий не больным, не измождённым, но бесконечно усталым. Усталым от всего.

– В углу прятался хамоцкий шаман, так я его выгнал, – с прежней весёлостью сообщил Нестор. – Извини, если прервал сеанс.

– Ничего страшного.

– Надеюсь, он пиликал на дудочке с твоего разрешения? А ещё жёг вонючие листья и тихонько подвывал.

– Ага. – Помпилио взял со столика бокал и сделал большой глоток воды – хитрый дым вызывал сильную жажду.

– Получается, я напрасно дал ему пинка?

– Сломал что-нибудь?

– Судя по тому, как быстро он выскочил, – нет.

– На Хамоке водятся пришпы, – усмехнулся дер Даген Тур. – Они приучили местных быть шустрыми.

– А шаманов, судя по всему, особенно.

Гость Помпилио, Нестор Гуда, и сам походил на пришпу, во всяком случае – размерами, отличаясь гигантским, вы-

ше двух метров, ростом и необычайной шириной плеч. Кажалось, если Нестор расставит руки, то сможет объять всю Кардонию, а то и всю звёздную систему.

При первом взгляде на Гуду в памяти всплывали образы легендарных воителей, великих воинов, способных в одиночку победить целые армии. А при втором взгляде впечатление усиливалось, потому что лицо Нестора полностью соответствовало образу: резкое, твёрдое, словно вытесанное из камня, оно буквально дышало рыцарским духом, а глаза всегда пылали мраком антрацитового огня. Завершали картину длинные чёрные волосы, которые Нестор, не стесняясь давно появившихся залысин, зачёсывал назад, и чёрный мессвар оригинального, «гудовского» кроя.

– Долго собираешься валяться?

Помпилио помолчал, медленно почёсывая прикрытую расшитым шёлком грудь, мысленно смирился с тем, что Гуда не отстанет, и громко произнёс:

– Теодор! – В дверях молниеносно явился Теодор Валентин, вот уже двадцать с лишним лет исполняющий при дер Даген Туре обязанности камердинера. – Я проснулся.

– Да, мессер.

– А я не откажусь от второго завтрака, – не стал скрывать Нестор и поинтересовался: – Транс разжигает аппетит?

– Не без этого, – хмыкнул Помпилио, не отрывая взгляд от слуги. – Теодор, ванна и стол, где обычно.

– Да, мессер.

– Ты сам всё понимаешь – политика, – продолжил через полчаса Гуда, с аппетитом уплетая омлет. – Адигены Ожерелья не рискуют открыто поддерживать Ушер, поскольку нет повода, да и Сенат Герметикона ещё не определился. Если честно, сюда нужно направить миротворцев, поскольку бойня затевается славная, но ни одна из сторон о миротворцах не просит, приходится ждать. К тому же, будем откровенны, пока нас всё устраивает.

Дары адигенских миров не хотели пускать Компанию на Кардонию ещё больше, чем ушерцы, но ограничивались демонстрацией помощи, не обеспечивая островитянам реальной поддержки. Зачем влезать в драку, если условные «свои» всё равно выигрывают? В этих обстоятельствах визит Нестора имел скорее ритуальное значение, и Гуда, не стесняясь, в этом признался:

– Дары попросили проконсультировать туземных военных, дать рекомендации, если понадобится, но я ещё из Альбурга увидел, что ушерская армия организована и оснащена наилучшим образом. А здесь, в Унигарте, мой вывод полностью подтвердился. Они знают, что нужно, не хуже меня.

Внешностью Нестор походил на рыцаря, на отчаянного рубаку, мечтающего о лихих кавалерийских атаках и жарких штурмах, но умом его Господь не обидел: гигант был не только превосходным политиком, но и блестящим военачальником, заработавшим репутацию чередой громких побед, и его

лестная оценка много говорила о состоянии дел в ушерской армии.

– Я прилетел на «Длани справедливости». Помнишь «Длань»?

– Разумеется.

Разве можно забыть первый в истории Герметикона авианосец? Помпилио видел «Длань» в её первом настоящем бою, присутствовал, так сказать, при зарождении нового направления развития военной техники, оценил возможности. И точно знал, что построенные по чертежам «Длани» галанитские авианосцы совсем недавно готовились атаковать Ушер, демонстрируя, что войны стали совсем другими.

– И доминатор сопровождения прихватил, я ведь теперь дар... – В своё время Гуду, который с рождения носил имя дер Фунье, звали в лучшие армии Герметикона, но он выбрал собственный путь, опасный, рискованный, но в итоге приведший к дарской короне. – Кстати, на Заграте всё хорошо. Мы устроили три дарства, не стали дробить континенты и живём душа в душу. Одно дарство за мной, одно за лингийцем и одно за каатианцем. Все довольны.

– Ты всегда знаешь, как нужно.

– Не буду спорить, – рассмеялся Гуда.

Именно на Заграте они и познакомились: Нестор затеял длинную и жестокую комбинацию, в ходе которой свалил короля, обманул Компанию, подавил вспыхнувший мятеж и взошёл на трон. Но не королевский, а дарский. Он поде-

лил планету, согласно древней адигенской традиции, и тем заручился поддержкой Ожерелья. Помпилио во время той комбинации сражался на стороне короля, но это обстоятельство не помешало мужчинам проникнуться уважением друг к другу.

– Я провёл реформы, и там теперь лучше, чем раньше. Заедешь как-нибудь?

– Возможно. Женился?

– В поиске. Есть кто-нибудь на примете? По возможности умная и красивая. Я слышал, у местного падишаха есть подходящая дочь?

– Туземцы называют падишаха консулом.

– В чём разница?

– Консула можно законно сместить и назначить на его место другого... гм... консула.

– Какая пошлость.

– Согласен.

Негромкий смех.

Они разговаривали в белой беседке, стоящей у самого моря. В простой, но в то же время изящной беседке необычайно тонкой работы, которая могла понравиться женщине, возможно – любой женщине, но уж никак не мрачному дер Даген Туру.

Подобно всем Кахлесам Помпилио был лыс, будто колено, не очень высок, но плотен, широк в кости и крепок, другими словами, сложением напоминал крестьянина, а не рыцаря:

толстые ноги, толстые руки с толстыми пальцами – мельник, в лучшем случае – кузнец, но вот лицо этого «крестьянина» отметало все рассуждения о возможно неблагородном происхождении. Выпуклый, говорящий об уме лоб, нос с горбинкой, чуть выступающий вперёд подбородок, а главное – твёрдые, серо-стальные глаза человека, не умеющего подчиняться. Помпилио был родным братом одного из лингийских правителей, происходил из древнейшего адигенского рода – Кахлес, династия даров которого не прерывалась уже тысячу лет, и все эти бесчисленные владыки намертво вплавились в сущность дер Даген Тура.

– Я полагал, «Длань» может пригодиться, но увидел, что дела у наших островитян идут превосходно.

– Ушерцы побеждают, – подтвердил Помпилио, помещив сахар в чашке с кофе.

К еде он почти не притронулся, съев лишь салат и половинку дыни. И от вина отказался, а пить в одиночестве Гуда не стал.

– Когда побеждают – неинтересно. Я люблю сложные задачи, требующие напряжения ума и сил. Не скрою: не отказался бы сейчас повоевать за Приоту.

– Ушер побеждает пока, – задумчиво протянул Помпилио. И сделал маленький глоток кофе.

– Я смотрю, ты спишь, не закрывая глаз, – тонко улыбнулся Нестор.

– Нас этому учили.

– Согласен.

Образование Гуда и дер Даген Тур получили одинаковое – в Лингийской военной академии, в лучшем, по мнению многих, военном учебном заведении Герметикона. В академии готовили офицеров, способных вырасти в командующих армиями, учили видеть картину целиком, учитывать все факторы, а потому Гуда и дер Даген Тур знали, что, несмотря на очевидные военные успехи, очень скоро островитянам придётся трудно.

– Ладно, хватит о туземцах. – Нестор махнул рукой, и слуги, дожидавшиеся сигнала под деревьями парка, понесли в беседку треножник с картиной, накрытой бархатным покрывалом. – К тебе я приехал вовсе не для того, чтобы обсуждать местные события. Я привёз подарок.

Слуги вернулись под сень деревьев, Гуда подошёл к картине, сбросил покрывало, и Помпилио отшатнулся: перед ним сидела Лилиан. Светлые волосы, гордый поворот головы, узкое лицо, взгляд – умный, чуть насмешливый, любимый... Адигенская красота и адигенская прохлада.

Сюрприз удался: секунду дер Даген Тур пребывал в ошеломлении, которое сменила боль. А следом – ярость. И они, ярость и боль, заставили Помпилио увидеть то, чего нет, – издёвку.

– Как ты мог?..

Но Гуда не позволил дер Даген Туру всё испортить.

– Я собирался подарить портрет на вашу свадьбу.

– Что?

Воспользовавшись паузой, Нестор вернулся за стол, откинулся на спинку полукресла, свёл перед собой руки и проникновенно произнёс:

– Узнав, что ты вернулся, я сразу обратился к Анже Араканаму, лучшему загратийскому художнику. Анже был знаком с Лилиан и написал портрет по памяти. Я нашёл его прекрасным.

– Я тоже, – хрипло добавил Помпилио, глядя в нарисованные, но такие живые глаза любимой женщины. – Я тоже.

Боль потихоньку отступала. Ярость ушла давно.

– Я был уверен, что ты убедишь Фредерика развестись, – продолжил Гуда. – И не сомневался в вашей с Лилиан свадьбе, но, к сожалению, всё пошло не так.

Всё на свете пошло не так.

Помпилио отставил расплескавшийся кофе и сделал несколько больших глотков воды.

Гуда молчал.

Странно, когда-то они хотели убить друг друга... Впрочем, почему убить? Каждый из них отстаивал на Заграте свою точку зрения, ничего более. Без зла и ненависти, с полным взаимным уважением. Тогда они были по разные стороны, но теперь Нестор приехал к нему, и Помпилио понял, по картине понял, что Нестор приехал не для того, чтобы консультировать ушерский генштаб. Нестор приехал потому, что тогда, на Заграте, они не могли стать друзьями, раз-

личные точки зрения мешали. Но теперь дело другое, теперь они свободны от прошлого, и дер Даген Тур принял протянутую руку.

– Я каждый день завтракаю в этой беседке, – тихо сказал он, глядя на картину. – Я не понимаю, почему ей здесь нравилось, но знаю, что Лилиан проводила в беседке много времени, и когда я здесь, мне кажется, что Лилиан рядом. Я её не вижу, мне просто кажется.

Нестор обхватил ладонью подбородок, но не издал ни звука, пронзительно смотрел на Помпилио и молчал. Он понял, что у него только что появился новый друг.

– Я живу в доме, где прошли её последние дни, я каждый день хожу на площадь, где она... где её убили. Я сижу за столиком кафе, смотрю на лестницу, на которой она горела, и думаю о том, что меня не было рядом. Каждый день я думаю о том, что меня не было рядом. Я был неподалёку, но не рядом.

Помпилио вздохнул.

– Зачем шаман? – негромко осведомился Нестор.

– Он помогает уснуть.

Нет, не только для этого.

– А ещё все уверены, что ты принимаешь наркотики. – Гуда позволил себе едва заметную улыбку. – Все считают тебя слабым. Все считают, что ты сломался.

Все действительно так думали, но Нестор был адигеном и знал, что Помпилио не оставит убийц в живых. Даже если

дер Даген Тур сломался, он всё равно убьёт тех, кто виновен в его беде. Выждет, подберётся и убьёт. И только после этого позволит себе сломаться.

– Пусть считают.

– Твои враги не настолько глупы.

– К сожалению. – Помпилио помолчал, после чего продолжил: – Я получил два удара меньше чем за год: я почти стал инвалидом и потерял любимую женщину. Многие поверили, что я сломался, но человек, который всё это затеял, ещё не потерял осторожности. И я пока не знаю имени своего главного врага.

* * *

Линегарт, столица обширной Приоты, никогда не отличался особенной красотой, не поражал воображение кардоницев, чего уж говорить о тех, кто пошатался по Герметикону и своими глазами видел чудеса Ожерелья? Грандиозных сооружений в Линегарте не возводили по причине отсутствия необходимости и потому же не устанавливали величественных памятников. Стиль строительства приотцы предпочитали казённо-простецкий, переданный прямыми линиями и прямыми же углами, без фантазии, без украшений, и лишь две постройки выделялись в этом царстве примитивной геометрии: собор Святой Марты и старая крепость. Собор приотцы возвели в соответствии с олгеменическими

традициями, позаботились и о соразмерной колокольне с колоннами, и о скульптурах на фасаде; а крепость притягивала взгляд массивными башнями с островерхими крышами. Сложенная из песчаника твердыня располагалась в самом центре города и стала своеобразным памятником паранойе первых колонистов – крепость никогда не осаждали, не штурмовали, другими словами, не использовали по прямому назначению. На заре Конфедерации в тесных помещениях крепости заседало правительство и сенат Приоты, однако при первой же возможности чиновники сбежали в новенький Дом правительства, вернув угрюмое сооружение военным.

Теперь, в дни войны с Ушером, в крепости разместился Генеральный штаб, и именно в кабинете его начальника, генерала Ере Селтиха, встретились люди, от решений которых зависела судьба Приоты: сам Селтих, облачённый в бирюзовый с золотом мундир высшего офицера, консул Кучирг – глава исполнительной власти, и Абедалоф Арбедалочик, представляющий всемогущую Компанию – хитроумного союзника, втянувшего Кардонию в братоубийственную войну. Компания открыто поддерживала Приоту, и присутствие Абедалофа в кабинете начальника Генерального штаба не было тайной.

– Я прогнозировал потерю Оскервилля, а потому она не стала фатальной, – уверенно произнёс Селтих, тыча указкой в провинившийся город. – Плохо, конечно, что мы поте-

ряли переправу на пять дней раньше, чем ожидалось, но это война.

– Мы потеряли не только переправу, но и те части, что не успели покинуть левый берег, – желчно добавил Кучирг. – Сколько их было?

Высокого и тощего консула раздражало в молодом генерале всё, то есть – абсолютно всё. Кучирг ненавидел напояженные волосы и самодовольную улыбочку, вечно игравшую на полных губах Ере, бесился при звуках тонкого, совсем не мужественного голоса, но главное, не мог простить Селтиху обращение «командующий», которое начальник Генерального штаба себе присвоил. Конституция закрепляла должность главнокомандующего за Кучиргом, однако смещение предыдущего консула, Махима, случилось в разгар вторжения, и Селтих, с подачи Арбедалочика, получил в неразберихе всю полноту военной власти. Которую не спешил возвращать законно избранному главе государства.

– Большинство застрявших на левом берегу частей отправилось на север, чтобы присоединиться к подразделениям, обеспечивающим оборону на линии Бранисор – Хома, – с прежним хладнокровием отозвался командующий. – Потери допустимые.

– Эта линия надёжна? – осведомился Абедалоф, прежде чем Кучирг задал свой вопрос.

– Сейчас мы закрываем только основные дороги, но есть

ещё неделя – раньше волосатики не придут, так что мы успеем основательно вкопаться в землю.

– Волосатики оказались у Оскервилля на пять дней раньше ожидаемого, – зло напомнил консул.

– Оперативный отряд, – уточнил Селтих. – Оскервилль взяли мобильные части ушерцев, и если бы среди наших оказался хоть один толковый офицер, он вернул бы мост в тот же день.

– Но мост не вернули.

– Армия не может двигаться быстрее, чем она может двигаться, а мобильный отряд, даже прекрасно оснащённый, не способен прорвать эшелонированную оборону, – ровно произнёс командующий.

– Всё верно, – поддержал генерала Абедалоф.

Арбедалочик курил «Масванских толстяков» – самые дорогие и ароматные сигары Герметикона, сигары богачей и ценителей. Произнеся фразу, он пыхнул дымом, клубы которого на мгновение затянули карту словно пороховым туманом, и вторично поинтересовался:

– Ере, вы на самом деле считаете нашу оборонительную линию надёжной?

– Вполне, – кивнул Селтих. – К тому же волосатики исчерпали атакующий потенциал, они остановятся, наткнувшись даже на минимальное сопротивление.

– Вям!

Голос подал любимец Арбедалочика – саптер. Малюсень-

кие собачки, стоимостью с приличную виллу в пригороде, считались игрушками избалованных девиц и богатых матрон, и никто не понимал, как в число любителей саптеров затесался умный и сильный мужчина. Но Арбедалочик затесался, и с этим приходилось мириться.

– Эбни, – укоризненно произнес Абедалоф. – Пожалуй-ста, не сейчас.

Саптер удивлённо посмотрел на хозяина, но, поняв, что твякнул действительно некстати, потрусил к дивану. Делать лужицу.

Абедалоф же обернулся к военному и продолжил:

– До сих пор ушерцы не останавливались.

– Наступать бесконечно долго невозможно даже в благоприятных условиях, – невозмутимо ответил генерал. – Растянутые коммуникации, потеря твёрдого тактического управления, вероятность ответных ударов – эти факторы необходимо учитывать. Я уверен, что волосатики планировали захватить весь левый берег, и мы уже сорвали их планы, остановив на линии Аласор – Бранисор и не позволив достичь Линегарта.

Мужчины вновь посмотрели на карту.

На севере ушерцы ограничились тем, что отогнали приотцев от побережья – красная черта противостояния шла от Хомских гор до Аласора. В этих местах Приоту испещряли бесчисленные мелкие речушки и болота, что делало дальнейшее наступление делом весьма затруднительным. А вот

Межозёрье ущерцы захватили полностью. В проход между Аласором и Бранисором, открывающим прямой путь на Линегарт, островитяне вломились огромными силами, и Селтиху едва удалось остановить наступление, создав затычку на западной границе Межозёрья. Вот там линия укреплений была сплошной – её строили все окрестные крестьяне, и именно в неё уперлись быстрые бронетяги ущерцев. Южнее Бранисора фронт шёл по Хоме.

– Их следующая цель – Убинур, – важно произнёс Кучирг. – Волосатики постараются лишить нас последнего порта.

– Нет, на юг они не пойдут, – тут же отозвался Селтих.

– Почему?

– Потому что они уже откусили больше, чем способны удержать, – объяснил командующий. – Волосатики оккупировали территорию в два раза большую совокупной территории архипелага, с населением, сравнимым с населением архипелага. Они должны заканчивать войну этой осенью, в одну кампанию, в противном случае они растворятся на наших просторах.

– Кто их растворит? – не выдержал Кучирг. – От нашей армии осталось меньше половины!

– Даже сейчас, потеряв часть континента, мы контролируем население, вдвое превосходящее население Ушера. Мобилизация идёт полным ходом, и через две-три недели у нас будет более-менее подготовленная армия.

– Из крестьян?

– Мы выставим троих против одного ушерца, это уравнивает шансы. – Селтих повернулся к Арбедалочичу и с жаром продолжил: – Повторяю: волосатики приложат все силы, чтобы захватить Линегарт до конца осени, до того, как Банир станет злым. Если мы продержимся, Ушер падёт. Но я не могу держать фронт и уж тем более переходить в наступление только силой своего гения. Мне нужно оружие.

– Оно будет, – веско пообещал Абедалоф.

Атлетически сложенный Арбедалочик был ещё и настоящим красавчиком... нет, пожалуй, красавцем – ведь в красавчике должно быть что-то жеманное, искусственное, а лицо Абедалофа было преисполнено мужественности: мощный волевой подбородок, резко вычерченные губы, прямой, как рыцарский меч, нос, густые каштановые волосы и большие карие глаза. Не томные, воловьи, а живые и дерзкие. Под стать внешности – голос: красивый, привлекательный, бархатистый, и сколько бы Абедалоф ни говорил, слушать его не уставали.

Единственным недостатком Арбедалочика, если можно так выразиться, была страсть ко всему дорогому, и он внимательно следил за тем, чтобы на его одежде и обуви, украшениях и еде стояли исключительно высшие ценники. «Дешёвку» Абедалоф презирал, но так, если вдуматься, ведут себя многие выходцы из низов.

– Вы получаете и продолжите получать оружие и технику

в необходимых объемах, – официальным тоном заявил Арбедалочик. – А также опытных инструкторов и наёмников.

Унигарт – кардонийский сферопорт – находился в руках ушерцев, астрологам Компании приходилось наводить цеппели на планету, а не на сверкающий в Пустоте маяк Сферы Шкуровича, что резко меняло статистику потерь: теперь погибал каждый двадцатый цеппель вместо привычного сотого. Потери были велики, но Компания решила заполучить Кардонию и шла на любые жертвы.

– И ещё одна хорошая новость, господа, – широко улыбнулся Абедалоф. – Директора-наблюдатели уполномочили меня подтвердить, что, несмотря на существенное увеличение расходов, Компания рассчитывает на прежние призы: ушерская промышленность и концессия на освоение незаселённых территорий Кардонии. Другими словами, мы остаёмся верными договорённостям, заключённым с предыдущим консулом.

Арбедалочик рассчитывал на проявление радости, однако упоминание Арбора Махима, смещённого за отчаянную попытку избежать войны, заставило обоих кардонийцев синхронно поморщиться.

– Что не так, господа? – насторожился Абедалоф.

Селтих и Кучирг переглянулись, после чего консул неуверенно протянул:

– Нам сообщили, что Махим собирается покинуть Кардонию.

– Вям!

Саптер вновь подбежал к хозяину, но на этот раз Арбедалочик не стал делать любимцу замечания. Нежно потрепал за ушком, чуть подтолкнул, направляя собачку в новое путешествие по кабинету, после чего негромко спросил:

– Сведения точные?

– У меня есть люди в его окружении, – самодовольно сообщил Кучирг. – Завтра Махим отправляется в Убинур, говорит, что хочет лично поддержать войска и моряков. Но мои информаторы уверены, что в Убинуре Махим сядет на цепель.

– Его нельзя отпускать, – хмуро бросил Селтих.

– Что же делать? – поинтересовался Абедалоф.

– Арестовать!

– Арестовать!

Относительно судьбы бывшего консула мнение Кучирга и Селтиха оказалось на удивление единодушным.

Брови Абедалофа поползли вверх, и консулу пришлось объяснить:

– У Махима много сторонников.

– Опасаетесь мятежа?

– Всё может быть, – неопределённо ответил Кучирг.

– В Линегарте Махим под контролем, – прямо высказался Селтих. – А что он задумает, оказавшись на другой планете, никому не известно. – Пауза. – И какие друзья у него появятся.

Рассорившись с Компанией и потеряв государственный пост, Махим вёл себя тихо, но Арбедалочик прекрасно понимал, что бывший консул, любимец простого люда, обладает колоссальным влиянием на приотцев и способен доставить Компании много неприятностей.

– Махим опасен, – закончил Кучирг.

И Абедалоф согласился:

– Вы правы, консул.

– Арестуем его сегодня же, – деловито предложил Селтих.

– Обвинение?

– Государственная измена.

– Доказательства?

– Придумаем.

– Вы помните, чем закончилась прошлая попытка заключить Махима в тюрьму по придуманным доказательствам? – вежливо поинтересовался Арбедалочик.

Кучирг и Селтих помрачнели.

Любимец народа, и этим всё сказано. Махим ворвался в большую политику при помощи профсоюзов, и естественное желание капиталистов убрать нахального выскочку наткнулось на ожесточённое сопротивление: в стачках и забастовках встала вся Приота. Посадив Арбора в тюрьму, тогдашние власти сами открыли ему дорогу в консульское кресло, и Абедалоф не желал повторять ошибку предшественников.

– Как Махим собирается добраться до порта?

– На убинурском скором.

– Отлично. Я отправлю на перехват своих людей, они войдут в поезд и убьют Махима. А журналисты представят его смерть как ещё одно зверство ушерцев.

– Хороший замысел, – протянул Кучирг.

– Других у меня не бывает, – хмыкнул Арбедалочик. – Слово скаута. – Он помолчал и негромко добавил: – Кроме того, я хочу проверить одно подозрение.

– Какое?

– Не важно, – опомнился директор-распорядитель. И наклонился: – Эбни, красавчик, иди ко мне.

Пёсик, успевший наделать дополнительную лужу у письменного стола командующего, послушно потрусил к хозяйину.

– Почему бы вашим людям сразу не сесть в поезд? – осведомился Селтих, кисло глядя на полосатую псину.

– Всё должно выглядеть идеально, – объяснил Абедалоф. – Мы организуем свидетелей, которые покажут, что убийцы сели на поезд в месте, наиболее удобном для проникновения ушерских диверсантов. И мы, таким образом, одним ударом убьём двух зайцев: избавимся от Махима и вываляем в грязи ушерцев.

– С Махимом будут телохранители, – сообщил Кучирг. – Не меньше четырёх человек.

– Хоть четверо, хоть сорок, – улыбнулся Арбедалочик, нежно поглаживая саптера. – Моим ребятам всё равно.

«Нет, не всё равно: двое лучше троих. Трое всё-таки мешают друг другу, частенько не способны разобраться, что делать, каждый торопится урвать побольше, лезет вперёд, и получается бардак... В буквальном смысле слова. А двое – в самый раз».

Орнелла Григ лежала на спине, подложив под голову левую руку, и лениво разглядывала отражённую в зеркале постель: подушки у изголовья, подушки в ногах, одеяло на полу, а его роль играют простыни. Лежащий слева Гленн завернулся с головой, то ли любит тепло, то ли армейская привычка – не важно. Пристроившийся справа Керк прикрыл только чресла, а сам разметался, благо размеры гигантской кровати позволяли, и радостно похрапывал. Керк молодец, гораздо крепче Гленна, последний час отрабатывал в одиночку.

Орнелла улыбнулась.

Проснувшись, она ещё не шевелилась, но, несмотря на это, чувствовала легкую боль внизу. Вчера Гленн с Керком были жесткими, но она сама того хотела, сама выбрала в баре двух крепких жлобов, так что боль была ожидаемой и даже приятной. К ней она стремилась. Вчера она была плохой девочкой, и её долго наказывали, по очереди и одновременно, спереди и сзади, распаяясь всё больше и больше требуя. В какие-то минуты – почти насилуя, доводя до исступления.

Три бутылки бедовки выхлебали, как воду, спать завалились почти в пять, но никакого похмелья, никакой усталости... Только немного болит внизу...

Ещё одна улыбка.

«Я не ошиблась».

Вчера Орнелла долго выбирала между «дикарями» и «эстетам», прислушивалась к себе, пытаясь понять, чего ей хочется, побывала в двух притонах, разглядывая кандидатов, вздыхала, размышляла. Красивые, прелестные до беспамятства мальчики, умелые и ласковые, в Линегарте тоже водились. Жеманные и нежные настолько, что даже себя они иногда называли «она», мальчики знали толк в изысканных наслаждениях, изящно смешивая секс с алхимическими зельями, добирались до самой вершины порока и даже сумели пару раз удивить Орнеллу.

Но вчера ей захотелось «дикарей».

Керк заворочался, Орнелла тихонько вздохнула и потянулась.

Её лицо трудно было назвать красивым, но ещё труднее – не назвать.

Волосы – совсем тёмный каштан, прямые, очень густые, короткие, стрижены по галанитской моде «под мальчика». Выпуклый лоб, широкие скулы, из-за которых лицо казалось треугольным, усиливающий это впечатление подбородок – острый, узкий. Сочетание не самое удачное, но тут же – пронзительные ярко-зелёные глаза, огромные, притягиваю-

щие, миндалевидный разрез которых заставлял вспоминать строки любовных сонетов даже далеких от поэзии людей. Но раньше глаз внимание привлекали губы: пухлые, чуть вывернутые. Религиозные женщины называли их порочными, а мужчины заворожённо молчали. Даже религиозные мужчины.

Потянувшись, Орнелла привстала, собираясь покинуть ложе, но была остановлена.

– Ты далеко? – осведомился Керк, открывая правый глаз.

– Туда, где есть вода.

– А сейчас ты там, где есть я, – ухмыльнулся мужчина, и его широченная ладонь уверенно легла на левую грудь Орнеллы. – Забуди о воде.

Тело охотно откликнулось на жест. Тело помнило, как легко довольно большие груди помещаются в лапу Керка и как приятно становится, когда грубые пальцы ласкают затвердевший сосок.

– Хочешь продолжения?

– Ага.

Несмотря на боль, Орнелла не имела ничего против утреннего секса, но прежде следовало почистить зубы и освежиться.

– Дай мне пару минут, хорошо?

Заворочался Гленн. Выпутался из простыни, поднял голову и вопросительно уставился на приятеля:

– М-м?

– Есть тема, – ухмыльнулся Керк, не позволяя девушке подняться.

– М-м...

Полусонный Гленн навалился на бедро Орнеллы.

– Я ведь сказала: мне нужно несколько минут, – ещё спокойно произнесла девушка. – Подождите.

И попыталась встать.

– Что значит «подожди», ипатая ты клуша? – осведомился Керк, впечатывая Орнеллу в подушку. – Твое дело ноги раздвигать, когда скажут, поняла?

Желание исчезло напрочь.

Вчера грубость «дикарей» заводила, теперь вызывала раздражение. Секс перед завтраком должен быть элегантным, как прекрасно пошитое платье, или нежным, как анданский десерт. Звериная страсть хороша для ночи, а сейчас кстати оказался бы мальчик, иногда называющий себя «она».

– Пустите, – попросила Орнелла.

Но мужики не расслышали в её голосе угрозу.

– Пойдёшь, когда я скажу, – хохотнул Керк, продолжая мять девушке грудь.

– Точно! – подтвердил Гленн. Его пальцы по-хозяйски проникли внутрь неё, но Орнелла умела отключать ощущения и сейчас не чувствовала ничего, кроме нарастающей безгливости.

– Кажется, я внятно сказала, гидратные гориллы, что хочу пойти в ванную!

– Что?!

– Как ты нас назвала?!

Как девушка и рассчитывала, оскорбление ошеломило жлобов. Керк и Гленн на мгновение растерялись, и этой секунды хватило, чтобы Орнелла выскользнула из захвата.

Ловкая, элегантная, спортивная, ей не мешало бы добавить пару килограммов, чтобы округлить фигуру, но девушка предпочитала держать себя в жёсткой форме. На первый взгляд Орнелла казалась хрупкой, но это было ошибочное представление.

– Хня манявая!

Девушка соскочила с кровати, но Гленн успел схватить её за руку. Рывок, резкий разворот лицом к лицу – он хотел вернуть Орнеллу в постель, но во второй руке девушки уже появилась пустая бутылка из-под бедовки, которой она тут же засветила Гленну в голову. Это не было жестом отчаяния, как показалось Керку, а расчётливый ход: силу Орнелла заменяла ловкостью и умением превращать в оружие всё, что оказывалось под рукой. И врезала она Гленну так, чтобы оглушить, а не убить: Орнелла знала, куда и как нужно бить.

Окровавленный жлоб рухнул на подушки, а взбешённый Керк вскочил на ноги:

– Сука спорочья!

Керк не понял, что следует отступить. А ещё лучше – бежать и запереться в ванной.

Он бросился в гостиную, куда метнулась обидчица, почти

догнал, но Орнелла ловко уклонилась. Со стороны сценка выглядела комедией: голый, вполне ещё возбужденный мужик гонится за обнажённой девушкой. Но перекошенное лицо Керка свидетельствовало, что комедией в номере отеля и не пахнет.

– Хня манявая!

Орнелла на ругательства не отвечала. Очередное уклонение позволило ей перебраться к камину, и в её руке оказалась кочерга, которую ослеплённый яростью Керк не разглядел. Здоровяк видел другое: девчонка заперта в углу. Он заревел, намереваясь как следует покарать дерзкую сучку, а в следующий миг уже выл от боли, от безжалостного удара в промежность.

– Сука...

Следующий удар пришёлся в голову, и оглушённый Керк рухнул на пол.

– Придурки ипатые, – прошипела Орнелла. – Такое утро испортили!

Раздражение было настолько сильным, что девушка всерьёз подумала кастрировать тупых ублюдков, но тихий стук в дверь вернул Орнеллу в реальность. Услышав его, девушка немного повременила, убеждаясь, что стоящий за дверью люкса не уйдёт, затем бросила кочергу на Керка, по диагонали пересекла гостиную и распахнула дверь.

– Да?

На пороге замер мальчишка-посыльный.

– Я... – Мальчишка сглотнул, жадно разглядывая тело девушки. – Шум...

– Позови горничных и вышибал, нужно прибраться. – Орнелла чуть отступила, чтобы посыльный увидел валяющегося на полу Керка, но тот не отрывал взгляда от мерно вздымающихся грудей. – Ты меня слышишь?

– Вышибал позвать.

– И горничных.

– И горничных, – повторил замороженный мальчишка.

– Я буду в душе.

Глава 2,

в которой Помпилио и Нестор собираются в путешествие, а Змеиный мост вызывает пристальный интерес у множества людей

– Какая занятная архитектура! – рассмеялся Гуда, задирая голову. – Кто придумал?

– Ушерцы говорят, что они, приютцы, тянут одеяло на себя, – медленно ответил Помпилио. – Но поскольку Унигарт строили островитяне, имеет смысл доверять их словам.

– Пожалуй.

Сферопорт Кардонии можно было смело назвать «городом башен». Каждое здание расположенного на высоком берегу города могло похвастаться одной, а то и двумя устремлёнными ввысь конструкциями, частенько не имеющими никакого другого предназначения, кроме декоративного. Башни подталкивали Унигарт к небу, создавали впечатление, что невысокие дома упираются в облака и тем дарили ощущение сказки. Душа прагматичного сферопорта тянулась к волшебству.

– Я видел небоскрёбы Бей-Гатара, – задумчиво произнес Гуда. – Они действительно достают до неба, но грубы. А вот

Унигарт придумал художник.

– Или романтик.

– Он понимал, что такое небо.

– И любил Кардонию. Хотел, чтобы она была красивой.

– Если не любишь, ничего хорошего не получится.

До главной набережной Унигарта Нестор и Помпилио добрались морем, на шустром паровом катере, который арендовал дер Даген Тур. На берег сошли у «пирса миллионеров», где даже сейчас, несмотря на войну, швартовались роскошные яхты, и медленно направились в самый центр города. Два адигена в классических месварах – у Помпилио бордовый, шитый золотом, буквально кричащий о богатстве, у Гуды чёрный, строгий, – они издалека привлекали внимание прохожих. Одни смотрели с интересом, другие зло, но приставать к редким на унигартских улицах птицам никто не рисковал: адигенов сопровождали вооружённые загратийцы из свиты Нестора и офицер ушерского морского десанта.

Однако гидом выступал не островитянин, а хромающий, постукивающий тростью Помпилио – несколько месяцев назад дер Даген Тур попал в катастрофу и лишь недавно снова стал ходить.

– Прямо по курсу, как ты наверняка догадался, маяк.

– Я слышал, твой алхимик устроил на нём фейерверк? – усмехнулся Гуда.

– Ремонт обошёлся дешевле, чем я ожидал, а дело того стоило, – в тон другу ответил Помпилио.

– Стоило?

– Ну, раз даже ты слышал о фейерверке...

– Он вошёл в историю Кардонии, – подтвердил Нестор.

– Об этом я и говорю. – Помпилио остановился, пару мгновений постоял, тяжело опираясь на трость, после чего буквально выплюнул: – Площадь Конфедерации.

И вздохнул.

Нестор же, несмотря на вчерашнюю встречу с консулом, которая прошла в одном из окрестных зданий, огляделся так, словно оказался здесь впервые. И в этом не было лицемерия: сегодня Гуда смотрел на площадь глазами Помпилио.

– Переговоры шли во Дворце, – продолжил рассказ дер Даген Тур, медленно хромя по булыжнику. – В тот день Лириан и Фредерик приехали примерно в одиннадцать утра. Автомобиль остановился у лестницы, вокруг собралась толпа зевак, но она всегда собиралась, с самого начала переговоров. Говорят, в тот день толпа оказалась не такой многочисленной, как обычно. Было очень жарко. Наверное, дело в этом.

Помпилио вновь остановился, а Нестор неожиданно подумал, что на площади совсем нет полицейских – их роль играли морские десантники. Затянутые в чёрное патрули наглядно демонстрировали, что островитяне не доверяют даже тем стражам порядка, которые перешли на их сторону.

– Террористы начали стрелять до того, как Лириан покинула машину, но это не имело значения: шофёра убили первым. А потом Огнедел выстрелил во Фредерика из «Бран-

дьяра». Сначала во Фредерика, потом в Лилиан.

И на лестнице Дворца Конфедерации вспыхнули два ярких факела.

Рассказывая, Помпилио довел Нестора до уличного кафе, служители которого давно ждали постоянного клиента: столик в стороне, под отдельным зонтиком, холодное белое, фрукты и сыр. Второй бокал и второй стул появились раньше, чем Гуда успел моргнуть.

– Я прихожу сюда каждый день. – Дер Даген Тур тяжело опустился на стул, передал трость выросшему за спиной Теодору и потёр бедро. – Впервые – через час после убийства. Я видел чёрные пятна на ступенях. Я видел Лилиан перед тем, как её запяли в гроб. – Пауза. – Я был последним, кто её видел.

Они подняли бокалы, посмотрели друг другу в глаза, затем перевели взгляды на Дворец, беззвучно салютуя тем, кого уже нет, и выпили.

– С кем ты расплатился?

– Только с помощниками Огнедела, – сообщил Помпилио.

И услышал в ответ негромкое, но очень-очень жёсткое и необычайно злое:

– Мало.

А в чёрных глазах Нестора вспыхнули бешеные огоньки.

– Я работаю над этим, – спокойно ответил дер Даген Тур.

– Что Огнедел?

– Гоняться бессмысленно, он умеет прятаться, поэтому я отправил на его поиски сто тысяч цехинов.

– Я слышал о награде, – кивнул Гуда.

– Огнедела ищут все охотники за головами Герметикона, поэтому я сосредоточился на поиске того, кто его нанял.

– Не допускаешь, что он действовал самостоятельно?

– Ни на мгновение, – отрезал Помпилио. И тут же объяснил: – Лилиан стояла в шаге от грандиозного успеха. Ей удалось уговорить Махима пойти на уступки, и если бы переговоры в тот день состоялись, войны на Кардонии сейчас не было бы. Слишком многое должно совпасть, чтобы Огнедел случайно ударил именно в этот день и именно в этот час. Я убеждён, что ему приказали.

– Огнедел – самостоятельный террорист, никто не слышал, чтобы он работал за деньги, – мягко произнёс Нестор.

– Получается, иногда работает, – отмахнулся дер Даген Тур. – Нанять его могли либо галаниты из Компании, либо кто-то из окружения Махима, либо ушерцы.

– Ты вроде говорил, что Махим согласился с доводами Лилиан, – припомнил Гуда.

– Огнедел появился на Кардонии до начала переговоров, а значит, Махим мог его нанять.

– А потом кто-то третий, кто стоял между Махимом и Огнеделом, отдал приказ на убийство Лилиан, – прищурился Нестор. – К примеру, исполняя волю Арбедалочика.

– К примеру, – согласился дер Даген Тур.

– Допустим. – Гуда побарабанил пальцами по столешнице. – А почему ты подозреваешь ушерцев? Мы ведь понимаем, что стратегически они уже проиграли: их слишком мало, и проглотить Приоту они не в состоянии.

– А ещё мы оба понимаем, что для победы ушерцам достаточно Линегарта и левого берега Хомы, – рассудительно ответил Помпилио. – Если справятся до зимы, следующая кампания превратится в отлов остатков приотской армии по степям Правобережья. К тому же Дагомаро знает, что мы не хотим отдавать Кардонию Компании, и это знание могло подвигнуть его на авантюру: он мог сам начать войну, чтобы раз и навсегда показать, кто на Кардонии главный.

– Меня познакомили с Винчером, – задумчиво произнес Гуда. – У меня сложилось впечатление, что ради своих целей он пойдёт на что угодно.

– Правильное впечатление.

– Ты его прощупывал?

Вопрос правильный, но сложный.

– Дагомаро – наш союзник, – медленно ответил Помпилио. – Я приду к нему только после того, как исключу Арбедалочика и Махима.

– А они сидят в Линегарте?

– Не совсем, – улыбнулся дер Даген Тур. – Мне стало известно, что Махим направляется в Убинур, хочет покинуть планету. Я планирую его перехватить.

– В Убинуре?

Помпилио вновь потёр бедро и отрицательно покачал головой:

– Не уверен, что Махим доедет до порта.

И Нестор согласился:

– Пожалуй.

Они не были ханжами и не были ангелами, они знали, как следует поступать с опасными политическими противниками, и понимали, что враги не позволят бывшему консулу добраться до далёкого порта.

– Убинурский скорый делает четыре остановки, три из них – в достаточно больших городах, последнюю – на маленьком разъезде, где пополняет запас воды. Там я сяду в поезд и поговорю с Махимом.

– Не поздно?

– Если с Махимом что и случится, то лишь на последнем перегоне, – уверенно ответил Помпилио. – Этот участок проходит всего в сотне лиг от линии фронта, что очень удобно для устройства маленького убийства, замаскированного под диверсию.

– Как ты доберешься до разъезда?

– Я с самого начала предполагал использовать аэроплан. – Дер Даген Тур прозрачно улыбнулся. – А теперь мне даже не придётся его покупать.

– Аэропланов у меня полно, – не стал скрывать Нестор. – На «Длани» мы незаметно пересечём линию фронта, на аэропланах спустимся к разъезду и сядем в поезд.

А «Длань» встретит нас в Убинуре.

– Нас? – удивился дер Даген Тур.

– Ты собираешься ехать один?

Помпилио улыбнулся.

– Таким образом, вопрос решён, – закончил Гуда. –

И не спорь: я знаю, как лучше.

Им не было нужды рисковать жизнями: каждый из них, и Помпилио, и Нестор, могли снарядить за Махимом целую армию наёмников или профессиональных военных, но они прекрасно знали, что некоторые вещи нельзя поручать помощникам. Дер Даген Тур должен был сам найти Махима, а его друг принял решение поддержать предприятие.

– Сколько у нас времени?

– На разезде мы должны быть примерно в шесть утра.

Завтра.

– Успеем, – уверенно произнёс Нестор.

* * *

Случайно так получилось или нет, доподлинно неизвестно, но то, что все окна личного кабинета приотского консула выходили на Висячую, самую зловещую башню Старой крепости Линегарта – факт. Башню называли так вовсе не потому, что она болталась в воздухе или была привязана к чему-то высокому, просто большую часть своей истории Старая крепость исполняла роль главной приотской тюрьмы,

и правоохранительные органы вывешивали на Висячей тела казненных в качестве наглядной рекламы своей деятельности и пропаганды общей законопослушности. Варварский обычай отменили сто лет назад, но к этому времени название настолько прикипело к башне, что менять его не стали. А потом рядом с крепостью воткнули Дом правительства, и лучшие его помещения оказались напротив Висячей...

Как предыдущие лидеры относились к многозначительному соседству, Кучирг не знал, но лично его вид башни бесил, и консул старался смотреть в окно как можно реже. При этом менять кабинет стеснялся: во-первых, традиция; во-вторых, мало ли что люди подумают?

«Может, привыкну...»

Мысль была правильной, поскольку консулом длинный и тощий как жердь Кучирг являлся меньше месяца. До того был сенатором, верным соратником Махима, но, получив приказ Арбедалочика, мгновенно отрёкся от кумира и отстранил его от власти с доскональным соблюдением всех предусмотренных демократических процедур.

Самое смешное заключалось в том, что в кресло Махима Кучирг не стремился, понимал, что во время войны от должности консула больше проблем, чем радости, но противиться Абедалофу не посмел. Кучирг встал во главе правительства, постепенно освоился и теперь мечтал подмять под себя обнаглевшего Селтиха. Не сомневался, что рано или поздно подомнёт, с соблюдением всех предусмотренных демократи-

ческих процедур, разумеется, но пока был вынужден тесно сотрудничать с ненавистным, но необычайно талантливым генералом.

– Если не закончим войну до зимы – обанкротимся.

– Нужно обанкротиться раньше, – усмехнулся Селтих, проводя рукой по напояженным волосам.

– Что? – поперхнулся Кучирг.

– Не торопись вычерпывать нашу казну досуха, – объяснил Ере. – Сделай вид, что деньги закончились, и пусть Компания оплачивает не только военные, но и гражданские расходы.

Несколько мгновений консул таращился на генерала, а затем негромко выругался, коря себя за то, что не додумался до такого простого и очевидного решения. Но в следующий миг подумал, что предложение могло быть сделано с подачи Арбедалочика, в качестве проверки лояльности, так сказать.

От подобных раскладов голова шла кругом.

– Министерство финансов подчиняется тебе напрямую, проведи пару хитрых операций, спрячь фонды, а затем требуй у Абедалофа деньги. Ему нужно закрепиться на Кардонии, так что заплатит.

– А как будем отдавать?

– А как мы будем отдавать всё остальное? – пожал плечами Селтих. И на его губах вновь заиграла улыбочка, которую при желании можно было принять за снисходительную. Кучирг же называл её мерзкой и высокомерной. – Расплатимся

ушерской промышленностью и концессиями, ты ведь слышал — им хватит.

— А если не хватит?

— Компании даже промышленность ушерская не особенно нужна, — махнул рукой Ере. — Компании необходима Кардония, чтобы закрепиться в центре сплетения. Вот за это они готовы платить, ни за что больше.

В словах генерала был смысл... Нет, не так: в словах генерала был **ОЧЕНЬ** большой смысл. Селтих предлагал выгодное для Приоты дело, но Кучирга смущала необходимость обманывать Компанию. Пример Махима наглядно демонстрировал, как далеко способны завести подобные шалости.

— Я подумаю, — пробубнил консул. И тут же осведомился: — Насколько я понимаю, боевой дух армии подорван?

Кучирг не первый раз задавал вопросы, призванные продемонстрировать, что именно он, консул, является начальником Селтиха. И всякий раз результат был один.

— Армия и её боевой дух — моя головная боль, — обидно отмахнулся генерал. — Я позабочусь.

— Я — консул, — напомнил Кучирг.

— А я — командующий.

Вот и весь сказ.

Самодовольство. Это слово с избытком описывало и внешний вид, и выражение лица, и манеру поведения, и в целом всего Ере Селтиха. Самодовольство. А ещё — самолюбование.

Полный, совсем не героического сложения генерал тщательно заботился о внешности, по слухам, даже женскими кремами не брезговал и безоглядно применял помаду для волос, из-за чего причёска и закрученные усики выглядели нарисованными. Помада оставляла жирные пятна на одежде, это, в свою очередь, заставляло Селтиха менять мундиры дважды, а то и трижды в день, что он проделывал с огромным удовольствием. Пользуясь тем, что форма верховного главнокомандующего в армейском уставе Приоты не описывалась, Ере ходил то в чёрном с серебром, то в белом с золотом, то в бирюзовом, то в бордовом, то в тёмно-синем с ярко-красными вставками мундирах различных покроев. О тщеславии Селтиха и его страсти к нарядам военные славали легенды, однако в последнее время авторитет самодовольного генерала взлетел до небес: ведь именно он, напомаженный, наряженный, тонкоголосый и толстый Ере, ухитрился затормозить бронированные орды ушерцев. Он остановил бегущую армию и не пустил врага к столице.

– Для наступления мне потребуется больше сил, чем для обороны, – небрежно произнес Селтих. – Тут новые выкладки.

И положил на стол извлечённую из портфеля папку с бумагами. Не бросил, а именно положил, вежливо.

– Наступление? – Кучирг изумлённо уставился на командующего.

– В обороне не отсидимся, войны так не выигрывают.

– Ты сам сказал, что мы изматываем волосатиков.

– Это была необходимая доза оптимизма.

– Что?!

– Адмирал Даркадо не дурак, он прекрасно понимает, что должен закончить войну до зимы и не будет считаться с потерями. Волосатики взломают нашу оборону и захватят Линегарт. Так будет.

– Если? – Консул уже взял себя в руки.

– Если мы им не врежем. – Селтих постучал пальцем по папке. – Здесь мои расчёты, которые предполагают кратное увеличение помощи Компании в ближайшие недели. Ознакомься и поддержи меня на сегодняшней вечерней встрече с Абедалофом. Времени мало, поставки должны начаться как можно скорее.

– Иначе?

– Иначе нам с тобой придется уносить с Кардоники ноги, а Махим снова станет консулом.

Кучирг поморщился, демонстрируя своё отношение к нарисованной перспективе, однако последнее заявление вызвало у него скепсис:

– Махим уже никем не станет, ты же слышал.

– И об этом я тоже хотел с тобой поговорить, – в тон консулу сказал генерал.

– Да?

Селтих помолчал, пристально глядя на собеседника, после чего негромко, но очень твёрдо произнёс:

– Мне не нравится предложение Арбедалочика.

– Не хочешь убивать Махима? – удивился Кучирг.

Удивился настолько, что даже голос повысил, забыв о том, что некоторые вещи требуется обсуждать полусшёпотом. Даже в собственном кабинете. Особенно – в собственном кабинете.

– Я хочу убить Махима, – не стал отрицать генерал. – Но меня не устраивает банальное покушение в поезде, потому что в нём легко обвинить нас.

– Абедалоф сказал, что доказательства вины ушерцев будут несокрушимыми.

– Оголтелые сторонники, которых у Махима полным-полно, не поверят никаким доказательствам. А «несокрушимых» не будет, потому что Арбедалочик собирается держать нас этим убийством в узде. Не сомневаюсь, что он сам запустит альтернативную версию покушения, чтобы сделать нас более послушными.

– Вот уж не ожидал, что ты параноик.

– Я, может, и параноик. – Селтих снял с плеча несуществующую пылинку. – Но Абедалоф – галанит. Доверять ему – верх идиотизма.

Кучирг качнул головой, безмолвно признавая правоту генерала, и тихо осведомился:

– Что предлагаешь?

– Нужно взорвать какой-нибудь мост, а с ним – поезд. В этом случае ни у кого не останется сомнений в том, что это

ушерская акция: нам терять переправу нет никакого резона.

– Ты рехнулся? – Консул завопил ещё до того, как Селтих закончил. – Взорвать поезд? Убинурский скорый? Ты понимаешь, о чем говоришь?!

Но Ере остался спокоен:

– Повторяю: только в этом случае нас никто не заподозрит, у Арбедалочика не появится лишнего рычага влияния, а взбешённые ушерским зверством сторонники Махи-ма сплотятся вокруг нас. Со всех сторон плюсы.

«А цена – один взорванный поезд. Сотни жизней. Сотни незащитных гражданских».

Осознать тяжесть этого преступления консул не мог. Не укладывалось у него в голове, что можно вот так легко и непринуждённо приговорить к смерти такое количество невинных людей. А в следующий миг Кучирг подумал, что это хорошо: не понимаешь, что натворил, – не терзаешься. А ещё лучше – не помнить, что натворил, забыть и спать спокойно.

Подумал и угрюмо спросил:

– Получится свалить на волосатиков?

– Да, – убеждённо ответил командующий.

– Кто будет исполнителем?

– Команда саперов с Менсалы, опытные ребята, которые учат нашу деревенщину пользоваться галанитским оружием. Они всё сделают без лишних вопросов.

– Без вопросов?

– Менсалийцам всё равно, кого убивать, – объяснил военный. – Получив деньги, они пустят под откос поезд, а завтра уже забудут об этом.

«Похоже, забыть – самый распространённый способ спать спокойно».

Однако использование ненадёжных менсалийцев вызывало у Кучирга определённые сомнения.

– Кто их уберёт?

– Ты растёшь на глазах, – с весёлым уважением произнёс Ере. – В Департаменте секретных исследований служить не доводилось?

– В последнее время я тесно общался с галанитами.

– Это многое объясняет, – вновь рассмеялся Селтих. И серьёзно продолжил: – С исполнителями разберутся настоящие патриоты, которых мы используем втёмную. Они нагрянут после того, как всё случится, и расквитаются с гадами.

– Осечки не будет?

– Осечки случаются у всех, – нравоучительно ответил Ере. – Но если менсалийцы отобьются и смоются, наши патриоты всё равно доложат, что бились с ушерскими диверсантами.

* * *

Дворец.

Массивное здание с портиком, стоящее на главной пло-

щади Унигарта, нельзя было назвать никак иначе. Широкая лестница в восемьдесят ступенек, толстые колонны асханского мрамора, специально привезённого с далёких островов, окна в три этажа, скульптуры в нишах – внешняя отделка производила впечатление, а великолепие внутреннего убранства поражало воображение простых кардонийцев. Штучный паркет, резная мебель из редких пород дерева, картины в золочёных рамах, главную из которых – «Подписание договора Конфедерации» – создал знаменитый на весь Герметикон Эмиль Рафал.

Здание задумывалось как дворец, строилось как дворец, и стало им – Дворцом Конфедерации, символом единства и мощи Кардонии, символом мира. Символом того, чего больше нет.

Половинки Конфедерации вели меж собой беспощадную войну, но на названии Дворца это никак не отразилось. Более того, Винчер Дагомаро, консул Ушера, официально заявил, что обязательно возродит Конфедерацию, которую предали приотские заговорщики, и после войны всё пойдёт по-прежнему. Впрочем, в Линегарте не уставали повторять, что именно ушерские агрессоры похоронили единство Кардонии.

– Бои на севере почти не ведутся, мелкие стычки не в счёт, – произнёс адмирал Даркадо, ведя указкой по висящей на стене карте. – Наступать там практически невозможно, землеройки об этом знают и не беспокоятся.

– А жаль, – вздохнул Дагомаро.

– Против географии не пойдёшь, – усмехнулся Тиурмачин.

Захватив сферопорт, ушерцы переписали предназначение основных зданий: Совет Унигартских Общин был занят штабом адмирала Даркадо, а во Дворце Конфедерации разместилась канцелярия консула, и именно в его кабинете проходило неофициальное совещание: Винчер Дагомаро и командующий эрсийским контингентом маршал Гектор Тиурмачин внимательно слушали начальника ушерского Генштаба.

– За два месяца наступления мы взяли под контроль большую часть левобережной Приоты и все порты Банира, кроме Убинура. Море наше полностью, воздух – в основном. Мы уничтожили ударную группировку землероек, их армия дезориентирована и панически отступает.

– Им удалось остановить наше наступление, – заметил Дагомаро.

– Любое наступление рано или поздно останавливается, – поддержал коллегу маршал. – Наше – не исключение. И нужно смириться с тем, что оно закончилось.

– Я бы предпочел, чтобы оно закончилось в Линегарте.

– Мы дойдем до Линегарта, – пообещал Даркадо. – Но войскам нужна передышка.

– И перегруппировка, – добавил Тиурмачин. – Определим главное направление, сформируем кулак и врежем землеройкам ещё раз.

Даже сейчас, во время войны, старый маршал нечасто появлялся на людях в мундире, отдавая предпочтение цивильному костюму старомодного покроя. Твёрдый воротник сорочки, впивающийся в старческую кожу, строгий галстук, булавка с крупным камнем, бежевая ткань в тончайшую коричневую полоску – в штатском Тиурмачин походил на банкира или промышленника, но только походил: Гектор был военным до мозга костей.

– Сколько времени нужно?

– Месяц, не меньше, – ответил Даркадо.

– За это время Селтих ещё больше укрепит оборонительные рубежи и наберёт новых рекрутов, – угрюмо заметил Дагомаро. – Компания вооружит их, и мы не успеем закончить войну до зимы.

До того, как Банир станет злым и поставки подкреплений с архипелага станут редкими, сопряжёнными с большой опасностью делом. Зимой закрывалось небо – даже паровингеры летали неохотно, а цеппели и вовсе отправлялись в элинги, – а по бушующему океану рисковали ходить только очень большие пароходы. Зиму ушерцы ждали с тревогой, а приотцы – с надеждой, именно это имел в виду консул.

Но военным было чем ответить.

– За месяц армии не создаются, – недовольно произнес Тиурмачин.

– Селтиху нужно не создать армию, а возродить, поскольку мы не уничтожили ударную группировку землероек,

а разогнали её, – перебил маршала Дагомаро. – Странно, что я должен напоминать об этом. Приотская армия была рассеяна, но сейчас снова собирается и через месяц будет выглядеть совсем иначе. Через месяц-полтора у Селтиха окажется достаточно обученных солдат.

– Для чего достаточно?

– Чтобы доставить нам неприятности.

– Мы их сметём, – бросил Даркадо.

– Неприятности?

– Землероек!

– Не сомневайся, – поддакнул эрсиец.

Консул обвёл военачальников тяжёлым взглядом, после чего закончил:

– Мне нужен Линегарт. До зимы.

– Чтобы выиграть войну, требуется не территории захватывать, а уничтожить армию противника, – проворчал Тиурмачин. – Захват столицы не даст ничего, кроме морального удовлетворения.

– Аргументирую: с политической точки зрения захват Линегарта положит Приоте конец.

– На правом берегу Хомы нет больших городов, – напомнил маршалу Даркадо. – Если мы возьмём столицу, землеройки потеряют последнюю крупную базу, их армия превратится в кочующий по лесам и полям сброд, который мы постепенно переловим.

– Всё так, – подтвердил Дагомаро. – Кроме того, захват

Линегарта позволит нам сформировать новое правительство Приоты и вытащить континент из удавки Компании.

Огромные долги, которые наделал предыдущий консул – Махим, и стали главной причиной войны. Платить за приотцев Дагомаро не собирался, а потому принял решение ликвидировать должника и создать на его месте новое государство.

– И мы решим все наши проблемы.

Консул посмотрел на старика, тот чуть заметно улыбнулся, адмирал Даркадо расценил происходящее по-своему и в очередной раз польстил союзнику:

– Хочу добавить, что подразделения Эрсийского экспедиционного корпуса будут великолепно. Мы рады, что вы с нами, Гектор.

– Благодарю, адмирал.

Маршалы эрсийской хунты помогали соседям не из любви к сражениям: Дагомаро пообещал им половину Приоты, однако знали о договорённости только сами маршалы да ушерские сенаторы.

– Сегодня после обеда я проведу большое совещание, по итогам которого сформирую требования по дооснащению армии.

– Хорошо.

– До вечера.

Адмирал кивнул Тиурмачину, консулу и вышел из кабинета. Дагомаро же медленно прошёлся вдоль стола, бросил

рассеянный взгляд в окно, из которого открывался превосходный вид на Унигартский маяк, и замер, словно увидев на знакомом строении нечто необыкновенное.

Высокий, бритый наголо консул был одет в традиционный чёрный пиджак с воротником-стойкой, брюки и блестящие туфли – этот костюм знала вся Кардония. Так же, как длинную, рыжую с проседью бороду – её Винчер поглаживал в минуты задумчивости не менее знаменитым жестом. На левой стороне груди Дагомаро сиял крылатый жлун, золотой значок консула, и это было единственное украшение, которое позволял себе Винчер, – никаких колец, перстней, браслетов и даже часов.

– Ты слышал, что Махим собирается покинуть Кардонию? – негромко спросил консул, продолжая смотреть в окно. – Он доберётся до Убинура на поезде, после чего сядет в идущий на Белиду цеппель.

– Не только слышал, но и поделился этой информацией с Помпилио, – спокойно отозвался маршал. И улыбнулся, увидев, как вздрогнул Дагомаро: – Не волнуйся, Винчер, я сделал так, чтобы Помпилио узнал о происходящем из «заслуживающих доверия» источников.

– Зачем?

– Чтобы подтолкнуть его к действиям, разумеется.

Поразмыслив, консул оставил ответ без комментариев. Продолжил о поверженном сопернике:

– Отъезд Махима нам на руку. После всего произошед-

шего Арбор ненавидит Компанию и её лакеев и наверняка постарается сыграть против них. Я не вижу поводов мешать ему.

– А как насчёт Помпилио? – вернулся к адигенской теме маршал.

Настырность эрсийца имела свои причины, но была неприятна Винчеру. И ответил он грубовато:

– А что насчёт Помпилио?

– Он наверняка захочет обсудить с Махимом обстоятельства смерти Лилиан и отправится в Убинур. – Тиурмачин ничем не показал, что его задела резкость консула. – И нет лучшего способа убедить Помпилио в виновности Компании, чем...

– Чем смерть Махима, – догадался Дагомаро.

До сих пор бывший приотский консул и дер Даген Тур не виделись, обсудить трагическую историю не могли, и в интересах Дагомаро и Тиурмачина было сделать так, чтобы не смогли никогда.

– Нельзя давать Махиму шанс доказать свою непричастность к смерти Лилиан.

– Почему же ты рассказал о его отъезде Помпилио? – сварливо осведомился консул. – Аргументируй!

– Потому что в противном случае наш замысел не имеет смысла: Помпилио должен ждать Махима, – объяснил маршал. – А Махим должен погибнуть в двух шагах от Помпилио.

– Ладно, допустим, – Дагомаро погладил бороду. – Как мы это сделаем? Я имею в виду – с Махимом.

– Пустим под откос поезд, – легко ответил Тиурмачин.

– Гектор?! – Консул умел быть и жёстким, и жестоким, в противном случае на вершине не удержался бы. Хоронить врагов Винчеру тоже доводилось, пару кладбищ накопал как минимум, однако предложение маршала вызвало у Дагомаро оторопь. – Зачем гробить поезд?!

– А на кого ты собираешься свалить убийство Махима?

– На Компанию.

– Каким образом?

– Э-э... – Об этом Винчер не подумал.

– Оставим визитку: «С приветом из Департамента секретных исследований»?

– Хватит острить!

– Это горький смех. – Тиурмачин пожевал губами. – Мне тоже не нравится убивать гражданских, но выхода нет: поскольку мы не можем прямо указать на Компанию, то должны сделать смерть Махима загадочной. Война есть война: поезд взорвался, вопрос закрыт, пусть Помпилио ломает голову над причинами.

– Целый поезд, – вздохнул Дагомаро.

– Этот узелок необходимо рубить, Винчер, нужно списать убийство Лилиан на Махима, – проникновенно произнёс маршал. – Поскольку, если Помпилио узнает, что это ты нанял Огнедела, тебе даже грешники из галанитской геенны

не позавидуют.

* * *

«Душа моя, Этна!

Не побоюсь признаться: я всегда хотел иметь такого друга, как Аксель.

Забавно, да?

Я – учёный, кабинетный червь и лабораторная крыса, вся моя жизнь до войны – это книги и размышления. Аксель – полная моя противоположность. Он не очень хорошо образован, мало читал, не интересуется театром и совсем не разбирается в живописи. Зато хороший, любимый солдатами офицер, а ещё – бамбальеро. Представляешь?! Среди моих друзей оказался самый настоящий бамбальеро! Как выяснилось впоследствии, Аксель остановился на уровне бамбини, но для армии этого вполне достаточно.

Даже для подразделения Акселя достаточно.

Когда мы слышали, что нам придадут батальон эрсийских кирасиров из Чернарского гвардейского полка, мы ожидали кавалеристов. Ещё шутили, помню, что пропахнем навозом, а обер-прапорщик Стыро потешно изображал усатого героя на коне. Так было, что скрывать. И потому мы изрядно удивились реву моторов, сопровождавшему явление союзников. Никаких коней, одни герои.

Эрсийские кирасиры, душа моя, это самая настоящая штурмовая пехота, или бронепехота, или пехотные десантники – я не знаю, как правильно их назвать. Это прообраз будущей армии, мобильной и мощной, и я удивлён тем, что именно эрсийцы первыми догадались объединить бронетяги и пехоту.

Несколько лет назад маршалы заказали Дагомаро разработку особого бронетяга, который назвали «Клоро» – он колесный, быстрый, вооружён всего тремя пулемётами, и у него есть защищённый кузов для пехоты. Причём не простой пехоты, а для отлично подготовленных и великолепно экипированных вояк – оружие из жезарского сплава и доспехи из благлита. Конечно, душа моя, даже благлит не удержит пулёмётную пулю или винтовочный выстрел в упор, но в обычном бою в упор стреляют редко, на пулёмёты в рост не ходят, и потому доспехи неплохо себя зарекомендовали.

Кирасиры – ребята отчаянные, атакуют лихо, прорывают оборону при поддержке «Бёллеров», высаживаются и вступают в бой. А их объединение с нами, с отрядом алхимической поддержки, дало потрясающий эффект. Теперь мы способны захватывать небольшие города, что и продемонстрировали в Оскервилле.

Но я опять увлёкся. Я становлюсь военным, душа моя, этого не избежать. Я восхищаюсь орудиями убийств и грамотными действиями офицеров. Это война. Она меняет всё.

Боюсь, иногда я тебя пугаю...

Основа доспехов – кирасы, потому за бронепехотой и сохранили старинное название. Кирасы, а ещё наручи, поножи, каски, а самое главное – маски. Кирасирам разрешено создавать их по своему разумению, а потому у некоторых они гладкие, у других зеркальные, у третьих разрисованы... И вот маски, скажу откровенно, меня напугали.

Кирасиров в полном облачении я впервые увидел уже на следующий день. Лепке приказал согласовать план учений, я отправился на встречу и наткнулся на высоченного железного человека. Кираса, каска, поножи, наручи, карабин на плече, пистолет в кобуре... Поверь, душа моя, я ни за что не растерялся бы, увидев солдата в подобном облачении. Но у железного человека не было лица – его заменяла странная скульптурная маска, изображающая клыкастого бородача, – и этот факт заставил меня вздрогнуть.

Позже выяснилось, что передо мной стоял обершармейстер Аксель Крачин, командир приданного нам батальона.

«Пропустим по стаканчику?» – предложил Аксель, когда мы оказались в его кабинете. И, не дожидаясь ответа, плеснул в две маленькие рюмки яблочной бредовки.

Ты ведь знаешь, душа моя, что я почти не пью, но рюмку у Крачина взял. Наверное, почувствовал, что так нужно.

«Твое здоровье».

«Твое здоровье».

Аксель выпил, крикнул, вернул рюмку на стол и, глядя мне прямо в глаза, произнёс:

«Маска – часть амуниции, не более. Под ней я – человек. Офицер».

Первая моя мысль была очевидной: «Каким образом он узнал?! Неужели я не слежу за лицом?»

Я думал, что эрсиец надо мной посмеётся, но Крачин продолжил разговор очень серьёзно и совсем не так, как я ожидал:

«Когда я впервые надел маску и увидел своё отражение в зеркале, то вздрогнул так же, как ты. Я показался себе ненастоящим. А потом вспомнил рыцарские шлемы с забралами и понял, что я не скрываю лицо, а защищаю его. Маска – не часть меня, а часть амуниции».

Это прозвучало неожиданно, но я нашёлся с ответом сразу:

«Спасибо».

«За что?» – удивился он.

«За то, что объяснил. Спасибо».

Аксель как-то странно посмотрел на меня. Пристально? Оценивающе? Очень странно посмотрел. Я не могу подобрать подходящего определения, но точно знаю, что именно после этого разговора мы начали становиться друзьями...»

Из личной переписки фельдмайора Адама Сантеро

27-й отдельный отряд алхимической поддержки

Приота, окрестности озера Пекасор, середина сентября

Оскервилль они передали 37-му Кадарскому полку морского десанта, который подошёл на следующий день после захвата города. Надеялись продолжать атаку, но приказа развивать успех, к большому удивлению Сантеро, не прозвучало. Ушерцы взяли под контроль примерно двадцать лиг правого берега, выставили дозоры, организовали мобильные патрули, но вглубь не пошли. Наступление, которое длилось почти два месяца, прекратилось.

Алхимиков и кирасиров вернули на левый берег, на восточную окраину Оскервилля, и велели зализывать раны. Прислали «Бёллеры» взамен погибших в столкновении с тяжёлыми «Доннерами», прислали людей. Не новобранцев, разумеется – в отдельные отряды кого попало не брали, – а опытных, повоевавших в составе полковых алхимических подразделений ветеранов. Но их требовалось проверить, распределить по экипажам, посмотреть, как впишутся, снова проверить... Другими словами, заскучать не успели.

– Так точно, – браво подтвердил Аксель Крачин. – Не успели.

Он был самым высоким из присутствующих – макушка эрсийца чуть-чуть не доходила до двухметровой отметки, но при этом соразмерным: не здоровенным «шкафом», но и не тощим дылдой. Короткие волосы – тёмные, с густой проседью – Аксель зачесывал назад и тщательно за ними следил, подстригая едва ли не раз в неделю. И столь же внимательно эрсиец ухаживал за короткой бородкой «клиныш-

ком». Такие бородки любили носить университетские профессора, частенько добавляя к ним пенсне или очки, но Крачина нельзя было принять за преподавателя даже издалека. И в полной темноте.

Глаза у Акселя были блекло-голубыми, словно лазурное небо густо разбавили водой, а нависающий над бородкой нос – крючковатым. Такое сочетание намекало на присутствие среди предков кирасира белидийцев, но Крачин считал себя стопроцентным эрсийцем и готов был доказывать свою правоту какими угодно методами.

– С утра на стрельбы ездили, после обеда отрабатывали скоростную высадку – когда скучать?

– Как вы отстрелялись?

– Отлично. У меня ребята на отдыхе не спят, чтобы потом капсюлями не хлюпать.

– Прекрасно, просто прекрасно, – одобрил фельдполковник Лепке. – А как дела у вас, Адам?

Сантеро в отличие от Лепке и Крачина кадровым военным не был, записался в армию в самом начале войны, откликнувшись на призыв о добровольной мобилизации, а звание и должность получил благодаря высокой алхимической квалификации и доскональному знанию техники – до войны Адам работал над созданием огнемётных бронетягов. Непонимание важных армейских мелочей несколько раз ставило Сантеро в неловкое положение, и вояки относились к нему с некоторым превосходством.

Все вояки, кроме Акселя.

– Ремонт завершён, ждём приказа.

– Ждём приказа, – с улыбкой повторил фельдполковник.

– Так точно. – Сантеро почесал бровь. – А что?

Лепке махнул рукой:

– Всё в порядке, Адам, всё в порядке.

Даже внешне Сантеро никак не походил на прирождённого вояку. Невысокий, тощий, с круглой головой, Адам напоминал куклу, особенно, когда раздевался, а потому предпочитал купаться в одиночестве и никогда не ходил в общественную баню. Голову, кстати, Сантеро брил, однако чёрные волосы росли с такой поспешностью, словно боялись опоздать к следующей встрече с бритвой, и череп Адама всегда покрывала густая тёмная щетина. А вот жидкая бородёнка, которую Сантеро носил только в силу ушерской традиции, могла вызвать усмешку даже у принцессы-несмеяны, попытка же отпустить усы привела к появлению на верхней губе мерзких сосулек, к счастью, Сантеро успел уничтожить их до того, как по отряду поползли смешки. Плюс к перечисленному Адам не очень хорошо видел в темноте, а голос его мужественно звучал только шёпотом. Командирский рык, характерный, к примеру, для Крачина, Сантеро подменял пронзительным воплем.

Казалось бы, сплошные недостатки, однако Сантеро ухитрился заработать авторитет и репутацию толкового военного, лучше всех выполняющего боевые задачи.

Что же касается офицерских навыков, то они, по твёрдому убеждению фельдполковника, обязательно придут с опытом. Не могут не прийти.

– Подраться желание есть? – осведомился Лепке, весело прищуриваясь на подчинённых.

– Смотря с кем? – рассудительно ответил Крачин.

В отличие от Сантеро Аксель понимал, что затишье продлится не меньше месяца, а значит, фельдполковник предлагает рейд по схеме «туда и обратно» без следующих по пятам подкреплений, вот и осторожничал.

Впрочем, в армии всё просто: если решение принято, то осторожничай, не осторожничай, а ехать придётся.

– Вам о чём-нибудь говорит название «Змеиный мост?»

– Нет.

– Нет.

Лепке расстелил карту и жестом предложил офицерам склониться над столом.

– В настоящее время у землероек осталась только одна чунка – Южная, которая идёт от Линегарта до Убинура. Она проходит по правому берегу, поэтому мы её не перерезали, но хотим перерезать, потому что землеройки всю используют её для переброски войск.

– А нам это ни к чему.

– Совершенно верно, – кивнул фельдполковник, одобряя сообразительность Сантеро. – В настоящее время мы отдыхаем, но это не значит, что следует спать.

– Как далеко мост?

– Больше ста лиг.

– Изрядно, – скривился Адам.

– Почему бы не выслать паровинги? – тут же поинтересовался Крачин. – Они долетят и вернутся, а мы будем всю ночь капсюлями хлюпать, а потом ещё весь день.

– Во-первых, мост хорошо прикрыт с воздуха, во-вторых, там часто летают аэропланы приотцев, в-третьих, мост очень крепкий, нет уверенности, что бомбардировка даст нужный результат.

– Какой результат нужен?

– Снести все пролёты, – твердо произнёс фельдполковник. – Мост должен встать на месяц, не меньше, что позволит нам спокойно подготовиться к наступлению. А когда землеройки его восстановят, по нему поедем мы.

– Понятно.

Все пролёты... Значит, нужно подбираться к самому мосту, иначе никак. Сто с лишним лиг в тыл землероек, потом столько же обратно: опасно, но на быстрых бронетягах можно рискнуть. В целом дело вырисовывалось средней паршивости, однако у Лепке был припасён ещё один неприятный сюрприз:

– Штабные отчего-то возбудились, требуют провести рейд немедленно.

Крачин и Сантеро переглянулись: странно, конечно, отправляться без всякой подготовки, но потому они и счита-

ются мобильным подразделением, чтобы срываться в рейд в любой момент.

– Понятно.

– Самое позднее, вы должны выйти к Змеинному мосту к шести утра, в семь пойдёт военный эшелон, вы должны угробить его вместе с мостом.

– Подготовить взрыв за час?

– В рейд пойдут отличные сапёры, Аксель, и тоже, кстати, эрсийцы. Они уверены, что успеют.

– Хорошо, пусть так.

– Теперь с вами, Адам. – Лепке пристально посмотрел на Сантеро. – Мне приказали отправить в рейд только Тиля и сапёров, поскольку кирасиры быстры и привычны к подобным прорывам. Но я считаю, что на обратном пути возможны боевые столкновения, а потому отправляю ваш алхимический пост. Но отправляю я вас вопреки приказу, вы должны об этом знать и самостоятельно принять...

– Я согласен.

– Вот и хорошо. – Фельдполковник выпрямился. – Синьоры офицеры, у вас мало времени.

* * *

На фоне Бугердина, места их нынешней дислокации, даже захолустный Оскервилль выглядел столичным... нет, не городом, конечно, но уж точно пригородом. Бугердин оказал-

ся крупным фермерским поселением: то ли похудевший посёлок, то ли расплывшееся село, и никогда в своей истории не играл сколь-нибудь значимой роли. И вообще никакой роли никогда не играл и даже слова такого не знал – «роль».

На правом берегу Хомы таких поселений было множество, по одному на каждую округу. Жизнь тут протекала неспешная и понятная, на сто процентов соответствующая фазе сельскохозяйственного производства, а потому прибытие военных вызвало у местных необычайное оживление. Особенно у женской половины. И если в первые дни после прибытия пережившие разгром и отступление солдаты практически не выходили из лагеря, то вскоре жизнь наладилась, и самоволки в ближайшие стога сена приняли массовый характер. Однако теперь, после Оскервилля, капитан Ян Хильдер смотрел на вольности подчинённых сквозь пальцы. Он требовал, чтобы днём они были собраны и полностью отдавались подготовке, а взамен не спрашивал, что солдаты делают ночью. После Оскервилля Ян знал, как может закончиться жизнь военного, и с пониманием прислушивался к доносящимся с поля визгам.

Хильдер снова командовал мехэскадроном, четвертым в Двенадцатой бронетанковой бригаде. Эскадрон собрали по кусочкам: две машины из остатков Банигартской ударной, одна от Убинурского сводного – без экипажа, а четвёртый «Доннер», новенький, в заводской смазке, получили из резерва. На последней выставке военные показывали бронетяги

со 140-миллиметровой пушкой, но на фронте появлялись только прежние машины, с проверенной и надёжной stodвадцатимиллиметровкой.

С людьми обстояло хуже. Новобранцев прислали совсем тупых, даже паротягом никогда не управлявших, гонять их приходилось до седьмого пота, но Ян не жаловался. Учить новобранцев, ругать их, наказывать и снова учить нравилось ему больше, чем видеть их трупы, гораздо больше.

А ещё Хильдер стал выпивать на ночь стакан местного самогона – только в этом случае ему не снилась огненная дуга, втыкающаяся в его «Доннер», и не приходили вопли горящих в бронетяге ребят. Привычка, конечно, не лучшая, но начальство смотрело на неё сквозь пальцы. Потому что начальство, во всяком случае, в лице командира Двенадцатой бронебригады полковника Охмена, тоже прошло через Оскервилль и знало, как может закончиться жизнь военного. Охмена устраивало, что Хильдер не даёт спуску подчинённым, учит их, как детей, и считается одним из лучших офицеров бригады. С помощью чего Ян засыпает, полковника не волновало.

И вызвал он Хильдера по другому поводу.

– Есть работа.

– Отбить Банигарт?

Ян считался ветераном, а потому имел право на лёгкую шутку.

– Банигарт заберём позже, – рассмеялся Охмен. – Сейчас

задача проще.

– Я слушаю.

– Присаживайся.

Штаб Двенадцатой занял самое большое здание Бугердина – стоящий в центре Общинный дом. Но центр Бугердина – это не центр Унигарта, а потому окна полковничьего кабинета выходили на большой яблоневый сад, казавшийся до неприличия мирным, далёким от всех смертей на свете.

Хильдер присел на скрипнувший стул, выглядевший так, словно его скотили на соседнем хуторе, и вопросительно посмотрел на Охмена. Тот не заставил себя ждать.

– После того дерьма, что случилось в Оскервилле, командование приняло решение взять под усиленную охрану все ключевые мосты.

– А я думал, их подготовили к уничтожению.

– Эти придурки сначала велели мосты заминировать, а потом сообразили, что тем облегчили жизнь волосатым диверсантам, которых с каждым днём будет всё больше и больше. – Полковник ухмыльнулся. – Тебе ли не знать, какими тупыми бывают штабные?

– Что есть, то есть, – согласился Ян.

– Короче, поступил приказ выдвинуть на охрану Змеино-го моста мехэскадрон, полубатарей полевых пушек и роту стрелков.

– Почему так много? – удивился Хильдер.

– Змеиный мост всего в сотне лиг от Хомы, и штабные

умники боятся рейда. Снимать бронетяги с передовой они не станут, приказали выделить эскадрон мне. А я решил выделить тебя. Вопросы есть?

Вопрос был только один: «За что такое счастье?», но Ян его по вполне понятным причинам не задал. Ни к чему полковнику знать, что один из его лучших офицеров не рвётся на передовую. Уж лучше в тылу, в охране; без подвигов, зато живым.

И не видеть огненные дуги, не видеть льющийся в открытые люки бронетяга «Алдар»...

– За кем общее командование?

– За тобой, разумеется, – улыбнулся Охмен.

– Когда выдвигаться?

– Пехота и артиллерия начнут подтягиваться завтра, а тебя штабные крысы хотят видеть у Змеинового как можно скорее, не позже прохода убинурского скорого, так что пойдёшь ночным маршем.

– Во сколько идёт скорый?

– В семь утра.

Хильдер прикинул время на сборы, на получение боекомплекта, примерный маршрут и кивнул:

– Успею.

Глава 3,

в которой Помпилио приходится трястись и стрелять, Нестор слушает мудрое, Орнелла удивляется, и все торопятся навстречу друг другу

«Ненаглядная Этна!

Дописывая предыдущее письмо, в котором я, захлёбываясь от восторга, живописал оснащение кирасиров, я поймал себя на мысли, что никогда не рассказывал тебе подробно о нашем отряде. О подразделении, в котором служу.

Ты ведь понимаешь, ненаглядная, что алхимия – основа цивилизации. Именно мы изобретаем новые патроны и снаряды, новые сплавы и ткани, и даже Философские Кристаллы выращиваем мы – кто же ещё? Алхимия ведёт Герметикон и в мире, и в войне, и странно, что алхимические войска появились только сейчас и только у нас. Почему никто раньше не додумался до такой простой, но продуктивной идеи? Ведь алхимик, ступивший на тропу войны, куда опаснее вчерашнего рыбака, едва научившегося обращаться с карабином.

Наш отряд, как, впрочем, и остальные алхимические, – отдельный. Нас перебрасывают

на те участки театра военных действий, где требуется мощная огневая поддержка, и ещё ни разу у командования не возникло нареканий в наш адрес. Мы быстры, сильны и профессиональны. Скажут, что артиллерия практичнее, но не надо нас путать: мы поддерживаем войска по-своему, так, как не умеет никто другой. Не хочу вдаваться в подробности, Этна, ограничусь сухой констатацией: нас боятся. Я не хвастаюсь, а говорю как есть – враги боятся твоего мужа. Ты спросишь: нравится ли мне это? Я не найдусь с ответом. Скорее принимаю своё положение с достоинством. Я – хороший алхимик, теперь становлюсь хорошим офицером, и то, что меня боятся враги, – естественная часть моей профессии, моей нынешней жизни.

Да, ненаглядная, я изменился.

Наш отряд – почти полк по составу и мощи, разбит на четыре алхимических поста, одним из которых командую я. И командую, поверь, успешно. У меня в подчинении больше ста человек и семь бронетягов: командирский «Ядра́т», два «Бёллера» прикрытия и четыре «Азунды». Четыре страшные, но прекрасные «Азунды». Недостаток у наших красавиц один: если снаряд пройдёт тонкую броневую защиту кормы, то получившийся факел обожжёт Пустоту, всё остальное – достоинства. «Азунды» быстры, в скорости способны потягаться с колёсными «Клоро» и даже «Ядратами» и необычайно сильны в ближнем бронетяговом бою – пятьсот-шестьсот

метров. Говорят, конструкторы пытаются довести дальность прицельного огня до половины лиги, боюсь даже представить, насколько крутыми мы тогда станем...

Извини.

Это всё война».

Из личной переписки фельдмайора Адама Сантеро

27-й отдельный отряд алхимической поддержки

Приота, окрестности озера Пекасор, середина сентября

Долгий марш по незнакомой местности – серьёзное испытание даже для тренированных, привычных к ночным рейдам алхимиков. Особенно – по враждебной местности, по тылам землероек, где можно в любой момент нарваться на патруль, блок-пост или перемещающуюся часть. Любое, даже ничтожное столкновение могло перекрыть ушерам обратную дорогу, а потому к напряжению от собственно путешествия обязательно добавляется постоянное ожидание удара. Выходя в путь, алхимики изрядно нервничали, однако долго оставаться «на взводе» не способен даже профессиональный параноик, да и не держали таких в алхимических отрядах, брали нормальных, которые быстро приходили в себя, избавляясь от мандража в пользу разумной осторожности. А потому уже через полчаса алхимики перестали потеть и вошли в ритм рейда, вернувшись к состоянию «нормальный военный».

Через полчаса к Змеиному мосту выдвигалось боеспособ-

ное подразделение, а не куча дергающихся от напряжения солдат.

– Обратно будет проще, – проворчал сидящий на броне Аксель. Он зевнул, прикрыв рот ладонью, погладил бородку и развил мысль: – Днём скорость выше, до Хомя часа за четыре дойдём, если капсюлями не хлюпать.

О том, что на обратном пути их, возможно, будут поджидать потревоженные землеройки, Крачин не упомянул: об этом и так все знали.

– Днём могут появиться аэропланы, – рассудительно ответил сидящий рядом Сантеро. – Удовольствие, прямо скажем, на любителя.

– Из «Гаттасов» завалим, – уверенно произнёс Аксель. – Уж лучше от аэропланов отбиваться, чем плестись черепашьим шагом.

Огни, да и то приглушённые, горели только у первой машины – у «Ядрата» Крачина, управлял которым лучший водитель подразделения. Остальные бронетяги шли на красные кормовые фонари друг друга, выдерживая дистанцию опытом, непрерывным вниманием и везением. Помимо «командирского» бронетяга машин было шесть: два «Бёллера», два «Клоро» – в одном кирасиры, в другом сапёры – и две «Азунды». В одной из которых, если по-хорошему, и должен был ехать Адам. Но Сантеро доверял подчинённым и решил провести рейд рядом с Акселем, за одним из тех длинных разговоров, до которых Крачин, как выяснилось, был

большим охотником. И именно поэтому офицеры остались на броне, а не отправились внутрь.

Общаясь с эрсийцами, Сантеро, к безмерному своему удивлению, узнал, что обер-шармейстер считается среди них молчуном, из которого слова лишнего не вытянешь. Поначалу уверял в обратном, через несколько дней с гордостью понял, что Аксель выбрал его на роль собеседника, и с тех пор не проходило дня без долгого диалога о... О чём угодно. Темы они выбирали самые разные, но один из первых разговоров по-настоящему запал Сантеро в душу, и Адам помнил каждое его слово.

– Настоящая бамбада?

– Самая, что ни на есть, – с улыбкой подтвердил Аксель, а затем расстегнул кобуру и рукоятку вперёд протянул другу револьвер. – Её зовут «Пятнадцатая», но я называю «Пятнашкой».

Тяжёлая, это первое, что пришло Адаму в голову. Тяжёлая, но на удивление хорошо сбалансированная, и ощущение тяжести исчезает уже через пару секунд, оставляя лишь понимание веса. Понимание, указывающее на то, что у тебя в руке серьёзное оружие. И указание придаёт уверенности. Взяв настоящую бамбаду, Сантеро интуитивно осознал её основное отличие: из бамбады не стреляют и уж тем более – не убивают. И еще: бамбада превратит в великого стрелка любого человека. И еще: только великий стрелок достоин владеть бамбадой.

Взяв «Пятнашку», Адам одним движением стряхнул с себя все обывательские представления о познании Высокого искусства – Хоэжунсе, ухитрился добраться до сути, и Аксель это понял по выражению лица друга.

– Просто «Пятнадцатая»? – Сантеро знал, что лучшим бамбадам давали собственные имена, и ожидал услышать что-нибудь более звучное.

– Просто «Пятнадцатая», – серьёзно произнес Крачин. – Это имя ей дал мастер, и оно известно всему Герметикону.

И скромное клеймо: «15», сплетённое с буквой «А».

Длинный ствол жезарского сплава украшен сложной, очень красивой гравировкой, рукоять отделана шершавой кожей, каждая деталь, каждый элемент оружия буквально дышит высочайшим мастерством исполнения, но поверить, что Крачин запросто достал из кобуры легенду, Сантеро не мог. Тогда не мог.

– Так уж и весь Герметикон? – недоверчиво прищурился Адам.

– «Пятнашку» сделал Ариэль Хансейский. – Эрсиец ласково провел рукой по стволу. – Слышал о таком?

– Нет.

Сантеро знал о существовании оружейников, которых бамбальеро едва ли не официально признавали гениями, но ему никогда не требовалось запоминать их имена. И уж тем более – биографии.

– В двенадцать лет Ариэль стал учеником кузнеца, в че-

тырнадцать – оружейника, а в девятнадцать сделал первую бамбаду, которую так и назвал: «Первая», сейчас ею владеет бамбадао Александр дер Маадо. – Аксель помолчал. – За одиннадцать лет Ариэль создал тридцать три бамбады, делал для хансейских богатеев, не понимая, что творит уникальное, неповторимое оружие. В тридцать он погиб во время нападения пиратов, а ещё через год «Семерку» случайно увидел бамбальеро Виктор Котов. Восхитился, купил, отвёз в Химмельсгартн, представил учителям, и они признали творения Ариэля бамбадами. Теперь его имя выбито в Зале мастеров Пантеона, а все тридцать три бамбады принадлежат бамбальеро, живут полной жизнью.

– Удивительно, – пробормотал Сантеро.

Адаму очень хотелось спросить, каким образом явно небогатый Крачин стал владельцем легендарного оружия, но он постеснялся. Аксель взял бамбаду, однако убирать в кобуру не стал, улыбнулся едва заметно, словно вспомнив нечто приятное, и негромко продолжил:

– Ариэль Хансейский не познал настоящей славы, он просто старался, и благодаря старанию, а ещё – таланту, у него получалось совершенное оружие. Ариэль давно мёртв, но его мастерство победило смерть, его помнят и будут помнить. А что останется от нас, Адам? Какими запомнят нас и запомнят ли вообще?

Неожиданный вывод сбил Сантеро с толку. Он в растерянности уставился на легендарную бамбаду, а Крачин тем

временем продолжил:

– Мы офицеры, Адам, наша профессия – убивать, и именно поэтому мы обязаны быть щепетильны и аккуратны, помнить о чести и благородстве, помнить о том, что мы воины, а не убийцы. Только в этом случае мы не останемся в памяти чёрным пятном мерзости и стыда. О нас будут говорить с уважением.

И вновь Сантеро подумал, что Аксель умеет читать мысли.

Потому что именно желание убивать привело Адама в армию.

– Рассвет... – Крачин улыбнулся показавшейся на горизонте полоске света и покосился на Сантеро. – Через пару часов будем на месте.

– Надо сменить водителей.

– Сейчас сделаем. – Эрсиец зевнул.

– И надо поторопиться.

– А смысл? Бой от нас никуда не денется, зачем торопиться?

– Чтобы раньше отправиться обратно.

– Раньше семи не уедем, – хладнокровно напомнил Аксель. – Нам приказано дожидаться поезда.

– Ах, да... – Адам поморщился, а потом снял с пояса фляжку и сделал большой глоток воды. – Поезд...

Десять лет такое считалось недостижимым даже в теории. Фантастическим. Серьезные конструкторы отказывались обсуждать саму возможность существования подобных машин, и заикнись какой-нибудь инженер о проекте авианосного цеппеля, его или засмеяли бы, или отправили в дом скорби. Авианосный цеппель! Десять лет назад даже аэропланы не отличались достаточной надёжностью, зачем же строить для них специальный цеппель?

Всего десять лет назад.

Но современный мир устремлён вперёд не хуже артиллерийского снаряда, меняется ежечасно, если не ежесекундно, и вот уже знаменитый военачальник Нестор дер Фунье, известный теперь как дар Нестор Гуда, предлагает галанитам концепцию невероятного цеппеля – воздушного авианосца. Предлагает не просто так, а тщательно обосновав идею с точки зрения военного искусства, доходчиво объяснив перспективы его боевого применения.

Славящиеся прижимистостью галаниты раздумывали недолго: во-первых, им понравился замысел корабля-агрессора, предназначенного для внезапного нападения и подавления воздушных сил противника; во-вторых, сыграла свою роль магия имени – Нестора к тому времени уже называли гением. Компания предоставила Гуде лучших инженеров,

неограниченные средства, и через два года из гигантского даже по цепарским меркам эллинга выплыла «Длань справедливости» – первый в истории Герметикона воздушный авианосец.

Корабль, который за десять лет до своего появления считался фантастикой.

А теперь его силуэт называли классическим.

Основу «Длани» – взлётную палубу – несли параллельно расположенные «сигары», содержащие немыслимый объём гелия, чудовищный объём, необходимый потому, что под главной палубой располагалась вторая, закрытая, предназначенная для хранения аэропланов и припасов. Ещё следует добавить рубку управления, четыре стомиллиметровых орудия, кузель, восемь мотогондол, астринг, собственно экипаж – и станет понятно, что огромными «сигары» построили отнюдь не для красоты, а каждый кубический метр немыслимого запаса гелия был жизненно необходим.

«Длань» в три раза превосходила самый большой из существующих доминаторов и выглядела настолько грозно, словно сама Война сделала её своим представителем на Герметиконе.

Но, несмотря на восемь тяговых двигателей, тяжеленный авианосец не отличался скоростью.

– Пятнадцать лиг в час, – недовольно резанул Нестор и громко повторил: – Пятнадцать!

– Сильный встречный ветер, мессер. – Капитан виновато

развёл руками.

– А если опуститься ниже?

– Сейчас нас прикрывают облака. – Помпилио опередил капитана на мгновение, не больше. – Окажемся под ними – заметят с земли.

– Мы летим в ночи над безлюдной степью, кто нас заметит?

– Как обычно: тот, кто окажется в нужном месте в нужное время.

– Я не врач, но у тебя типичная мания преследования.

– Я разбираюсь в случайностях.

– А я знаю, как нужно!

– Ядрёная прищпа!

А капитану оставалось лишь молча удивляться – никто и никогда на его памяти не позволял себе так разговаривать с Нестором – и ждать, когда препирающиеся адигены примут решение.

– Мы опаздываем? – Гуда перевёл взгляд на своего старшего офицера.

– Так точно, мессер, – подтвердил капитан. – Мы выйдем к Чишинджиру не раньше семи утра.

– На аэропланах успеем?

– Несомненно.

– Готовьте машины.

– Слушаюсь, мессер. – Капитан склонился над переговорной трубой.

– А как же сильный ветер? – нахмурился дер Даген Тур.

– Немного потрясёт. – Нестор пожал широченными плечами. – Но мне рассказывали, что ты опытный путешественник, а значит, справишься.

– Остряк.

– Просто знаю, как нужно.

– Кто бы сомневался.

Мужчины с улыбкой посмотрели друг на друга.

Плотные кожаные цапы, перчатки, шлемы и очки-«консервы» – стандартный комплект цепарей, собравшихся прогуляться по открытой палубе. Пилоты аэропланов носили куртки другого кроя: короткие, щегольские, оправдывались тем, что в них удобнее забираться в самолёты, но адигены предпочли классические цапы до бедра, поверх которых удобно затягивать широкие портупей с кобурами и подсумками. Время приближалось, поэтому Помпилио и Нестор поднялись на мостик в полной готовности, с оружием и боеприпасами.

Из ручного оружия дер Даген Тур, несмотря на титул бамбадао, выбрал «Близнецов» – два тяжелых, похожих на букву «Т» четырнадцатизарядных пистолета, разработанных Бо Хардом и высоко оцененных Помпилио. Несмотря на несомненные достоинства, бамбадами «Близнецы» не являлись из-за неодобренного Химмельсгартном магазинного способа снаряжения. Весили пистолеты изрядно, поэтому кобуры находились не на поясе, а выше, на ремнях, переброшенных

через плечи дер Даген Тура.

А вот в качестве основного оружия Помпилио выбрал самую что ни на есть бамбаду: «Пыльную сирень» знаменитого Мэка «Цветовода» Бремера. Укороченный шестизарядный дробовик пятнадцатого калибра превосходно работал всего лишь в пределах полусотни шагов, зато на этой дистанции мог поспорить мощностью с небольшим полевым орудием. Так же как все бамбады, «Сирень» была старательно украшена и тщательно подогнана под владельца: вес, длина, толщина ложа, балансировка – Бремер учёл каждую мелочь.

Бамбада для бамбальеро не оружие, а друг, идеально помогающий достижению цели, нивелирующий изъёмы и потакающий привычкам. Молчаливый и верный друг.

Нестор, который бамбальеро не являлся, выбрал шестизарядный «Аган», лёгкий револьвер, принятый на вооружение во многих армиях Герметикона, и цепарский карабин – знаменитое оружие абордажных команд.

– Готов?

– Да.

– Тогда пошли.

Они спустились на уровень взлётной палубы, постояли, натягивая очки-«консервы», закрываящие рты полумаски и перчатки; затем Гуда кивнул ожидавшему приказа палубному, и тот распахнул дверь.

В лицо ударил резкий порыв ветра. Первый, несильный, можно сказать – игривый, проверяющий новых гостей

на крепость, весело намекающий, что дальше будет хуже. Несмотря на то что «Длань» опустилась до полутора сотен метров, сквозило на свежем воздухе изрядно.

«Туда!» – беззвучно произнёс Нестор, указывая рукой на залитую прожекторами палубу. Метрах в тридцати от двери стояли два самолёта. Носами к краю, но ещё закреплённые тросами.

Помпилио поморщился, однако шагнул первым. С полча-са назад у него заныла нога, но глотать перед полётом болеутоляющее адиген не стал: лучше терпеть боль, чем потерять концентрацию. Через двадцать минут приступ пошёл на спад, но отсутствие трости и прогулка на яростном ветру сделали своё дело – к самолёту дер Даген Тур приблизился, кривясь от боли, однако «консервы» и полумаска скрыли гримасу от окружающих.

«Ещё три шага, два, один... Взобраться на крыло. Перебраться через борт...»

И глубоко вздохнуть, оказавшись в жёстком кресле. Ног, кажется, пилит невидимый палач, но это, как показывает опыт, скоро пройдёт. Нужно потерпеть ещё минут десять. Может, пятнадцать...

– Ты готов к приключениям?! – Гуда вскочил на крыло и потрепал дер Даген Тура по плечу.

– Конечно!

Разговору мешали и маски, и ветер, вот и приходилось орать в голос.

– Я выбрал лучших пилотов, но ты знаешь этих аэропланщиков: сегодня он лучший и опытный, а завтра – могильный камень, перевязанный белым шарфиком.

– Ты умеешь взбодрить перед путешествием.

– Самое главное – взлететь! – весело объяснил Нестор. – Если получится – полдела сделано.

– А если не получится?

– Капитан соберёт то, что от нас останется, и мы попробуем ещё раз!

– Я не вижу парашютов! – заметил дер Даген Тур.

– Они не понадобятся!

– Почему?

– Если не удастся взлететь, аэроплан вот так закувыркается... – Гуда изобразил рукой нечто беспорядочное. – И отправится к земле с такой скоростью, что мы не успеем выпрыгнуть. Я такое видел.

– А сам делал?

– Не доводилось!

– Это обнадёживает!

– Верь мне, кузен, я знаю, как нужно!

Гуда показал Помпилио большой палец и спрыгнул с крыла. Сидящий впереди лётчик завёл двигатель: дер Даген Тур не услышал звук, а увидел, как завертелся пропеллер, палубные отцепили тросы, и биплан стал медленно набирать скорость.

Как там спросил Нестор: «Ты готов к приключениям?!»

Помпилио улыбнулся, а в следующий миг аэроплан вырвался за границу прожекторов, за границу палубы, и вокруг сгустилась ночная тьма.

* * *

— Четыре часа?!

— Раньше никак не получится, синь... господин капитан. — Сбившийся фельдфебель по-девичьи ойкнул и с испугом посмотрел на офицера.

Ещё год назад в приотской армии было принято самое распространённое в Герметиконе обращение — «синьор», с детства знакомое любому кардонийцу. Однако в последнее время сильное влияние на Приоту оказывали галаниты, насаждающие в том числе любезное их сердцу обращение «господин». Мелочь, на первый взгляд, но галаниты последовательно добивались отрицания всего старого, привычного, прекрасно понимая, как сильно влияют на сознание незаметные мелочи. Не «синьор», а «господин», смысл тот же, но получается не так, как раньше. Люди путались, особенно нижние чины, штабные требовали наказывать за ошибки серьёзными дисциплинарными взысканиями, но Шипхе был ветераном и отличным воякой, а потому Хильдер сделал вид, что не расслышал оговорки, и вернулся к главной теме:

— Слишком долго.

— Мы потеряли время на Форворских полях, — осмелился

напомнить фельдфебель.

Которые прошедший ливень превратил в раскисшее болото. Даже бронетяги заносило, чего уж говорить о грузовиках?

– Нужно нагнать. – Ян уставился на карту. – Нам приказано выйти к Змеиному мосту не позже семи.

Несмотря на раннее утро, внутри огромного «Доннера» царила забористая духота, набравшая силу за время ночного марша: расчёты спали в полном составе, командиры экипажей – по очереди с заместителями, а пахнут военные тела чем угодно, только не полевыми цветами. Имело смысл подняться наверх, поговорить на броне, но возле защищённой решетчатым колпаком лампочки было светлее, чем под предраассветным небом, удобнее читать мелкую карту, вот Ян и мучился, продолжая наслаждаться военно-полевыми ароматами.

– Всем конвоем не догоним, – пробормотал Хильдер.

– Грузовики тормозят, – понятливо кивнул Шипхе.

Фельдфебель был ветераном Банигартской ударной бригады, на «горячих» планетах, правда, не воевал, но двадцать лет в армии – это двадцать лет в армии, опыта Шипхе было не занимать, и именно поэтому Ян сделал заместителем его, а не молоденького лейтенанта Вэнса. Старый вояка понимал командира с полуслова и сейчас тоже не ошибся: именно три грузовика с припасами не позволяли бронетягам выйти на бездорожье, по которому, если верить карте, легко было

срезать изрядный угол.

– Выиграем час.

– А как же ты? – осведомился фельдфебель.

– Приедет позже, – махнул рукой Хильдер. – Остановите колонну, Шипхе, нужно отдать новый приказ.

* * *

Говорят, когда по рассекающей бескрайние приотские просторы чугунке несётся ночной грузовик, сверху, с аэроплана или цеппеля, открывается невероятное зрелище: яркий конус лобового прожектора световым мечом рассекает беспросветный мрак и... и больше ничего. То есть совсем ничего, кроме света и тьмы, и мистического ощущения их вечной битвы, разворачивающейся на твоих глазах.

А вот ночной пассажирский поезд производит иное впечатление – карнавальное. Ночной пассажирский освещён по-лучше иной улицы: окна с разноцветными шторами, внешние фонари на вагонах, всё тот же лобовой прожектор... Иногда второй этаж вагона-ресторана снимает богатая компания, и тогда к весёлым огням добавляются залпы фейерверков на станциях и исполняемые приглашёнными музыкантами модные мелодии. Ночные пассажирские – яркие гусеницы, полные огня и жизни.

Никакой мистики.

Чугунки на Приоте строили ушерцы – кто же еще? –

а за образец они взяли знаменитые тинигерийские железные дороги, самые большие в Герметиконе. И не только по протяжённости большие. Три континента Тинигерии располагались рядом, отделяемые друг от друга символическими, шириной от двух до десяти лиг, проливами, и в результате основное внутреннее сообщение на планете шло по чугунке. Помимо развитой сети огромный и постоянно возрастающий грузооборот требовал или всё большего количества поездов, или повышения грузоподъёмности, в результате расчётливые и предусмотрительные тинигерийские дары построили то, что в Герметиконе называли «суперчугункой». При ширине колеи, чуть-чуть недотягивающей до трёх метров, тинигерийцы использовали двухэтажные пассажирские вагоны и необычайно объёмные грузовые, поражающие воображение тех, кто попадал на планету впервые. А уж те колоссы, которые тинигерийцы называли паровозами, казались ожившими фантазиями всех безумных изобретателей Герметикона. Гигантские машины использовали самые большие из существующих Философских Кристаллов – предназначенные для цеппелей, – и могли тянуть за собой до восьми тысяч тонн.

Кардонийский вариант «суперчугунки» не уступал оригиналу. Ушерцы аккуратно скопировали всё, от системы управления до количества ведущих в кабину машиниста ступенек и убранства вагонов-люкс, которые напоминали компактные дворцы. Большая гостиная, кабинет, три спальни, каждая

со своей туалетной комнатой, гардеробная, помещения для охраны и прислуги – люксы предназначались для комфортного путешествия тех, кто не привык ни в чём себе отказывать. Кто как должное воспринимал резные деревянные панели, ушанские ковры, позолоченные ручки, подлинники на стенах и наличие вышколенного персонала, готового исполнить любую прихоть.

Арбор Махим, бывший консул Приоты, родился в семье бедного фермера, однако последние годы провёл на вершине власти и даже не задумался о том, что в убинурском скором есть обыкновенные, скромные вагоны.

– В поезде спокойно, даже в ресторане не шумят. – Вельд, начальник личной охраны Махима, позволил себе улыбку. – Сейчас предпочитают не веселиться, а напиваться и ложиться спать.

– Потому что безнадёга?

Армия разбита, ушарцы взяли почти весь левый берег, никто не знает, что будет дальше.

– Вы, как всегда, правы, синьор Махим.

Вельд шёл с Арбором последние десять лет: участвовал в демонстрациях и митингах, прикрывая от кулаков провокаторов, попадал в полицейские участки, а потом, когда Махим взлетел на самый верх, стал начальником охраны. И оставался на должности даже сейчас, когда от потерявшего консульское кресло Арбора отвернулись почти все друзья и союзники.

То ли идти было некуда, то ли и в самом деле – предан.

– Поспи, – неожиданно произнес Махим.

– Извините?

– Я вижу, как ты напряжён, – продолжил Арбор. – Иди и поспи, тебе необходим отдых.

– После Чишинджира, – помолчав, согласился Вельд. – После последней остановки.

– Только обязательно.

– Обещаю.

Махим кивнул телохранителю, поднялся с кресла, прошёл в спальню, тщательно прикрыл за собой дверь и остановился, глядя на читающую книгу жену. Преданная или некуда идти?

Амалия родилась в семье богатого скотопромышленника, вышла за Арбора в дни, когда карьера Махима шла в гору, несколько лет была первой синьорой Приоты, а теперь... Теперь покорно ехала в изгнание, хотя могла бы вернуться к отцу. Или не могла?

– Когда мы приедем?

Амалия прекрасно знала, что скорый приходит в Убинур в одиннадцать утра, но задала вопрос. То ли для поддержания разговора, то ли уколола, намекая, что вынуждена – с детьми! – ехать в захолустный порт, чтобы бежать с родной планеты. До сих пор Амалия была идеальна: красивая женщина, умная подруга, великолепная любовница и заботливая мать, но в последнее время Арбор научился осторожничать с окружающими.

– Скорый приходит в одиннадцать.

– Нас будут ждать?

– Надеюсь, нас будут ждать друзья, – уточнил Арбор.

– И кроме надежды у нас ничего нет, – вздохнула женщина.

Ещё один укол? Махим хотел ответить резко, но сдержался. Укол или нет, Амалия права: надежда сейчас – их главный и единственный капитал.

Дни в поезде были наполнены новыми образами, которые отвлекали семью от тоскливых размышлений: просторы правого берега, которые с восторгом разглядывали дети; огромные вагоны, по которым им позволялось бегать; суета, возня, игры... Днём они даже смеялись: и дети, и взрослые. Но наступила ночь, малыши сопят в своей комнате, а в головы их родителей змеями полезли неприятные мысли.

Тьма за окном вызывает тьму в душе.

– Я никогда не была на Белиде, – ровно продолжила Амалия, – но то, что я о ней читаю, меня не радует.

Только сейчас Арбор понял, что у жены не книга, точнее, не совсем книга, а подарочный экземпляр «Записок о Белиде» из знаменитой серии «Записки о...», издаваемой Астрологическим флотом и содержащей весьма подробные и разносторонние сведения о планетах.

– Климат хуже, чем у нас, людей меньше, развитие ниже.

Махим и сам знал, что Кардония, даже провинциальная Приота, куда интереснее для проживания, чем соседняя пла-

нета. Но захолустная Белида обладала весомым достоинством:

- Там наши друзья.
- Ты веришь Джону?
- Он сам предложил помощь.
- Надеюсь, от чистого сердца.

Амалия вновь уткнулась в книгу. Арбор кивнул и стал медленно стаскивать пиджак.

Надежда – всё, что у них осталось.

Надежда – их главный капитал.

Единственная приправа к горькому хлебу изгнанника.

* * *

– Ты что-нибудь понимаешь? – осведомился Аксель, не отрывая от глаз бинокль. – Двенадцать.

– Я похож на человека, который что-нибудь понимает? Тринадцать.

Они лежали на вершине холма, негромко переговаривались, пожёвывая соломинки, и таращились на мост, который им приказали взорвать. С удивлением таращились.

– Теперь ты офицер, Адам, теперь ты обязан всё понимать или делать вид, что всё понимаешь, чтобы не выглядеть идиотом перед нижними чинами, – размеренно произнёс Крачин. – Четырнадцать.

– Доводилось?

– Не нужно острить. Пятнадцать.

– А что нужно? Этот нам уже попадался, так что четырнадцать.

– Пересчитать уродов и перебить их, пока они капсюлями хлюпают. – Аксель потер глаза. – Всё равно пятнадцать. Один сидит под мостом, лодки стережёт.

– Кого «их»? Мы ведь не понимаем, что происходит.

– Мы офицеры, Адам, мы разберёмся. Это наша прямая обязанность.

Первая часть рейда удалась на славу: их не засекли, они не напоролись на вражеский пост и не вступили в бой. Прошли сто с лишним лиг тихо, как мыши, ничем не потревожив землероек. То ли святая Марта решила помочь своим бедным детишкам, то ли крылатый жлун закрыл своей тенью. К Змеиному мосту отряд вышел без потерь, точно по графику, и тут возникла проблема, о которой донесли высланные вперёд разведчики: охрана уничтожена, мост захвачен. Но не ими. Изумлённые командиры отправились на холм, с которого открывался превосходный вид на мост, и вот уже десять минут изучали неожиданный пейзаж: окна караульного помещения разбиты, двери распахнуты, на стенах следы пуль, повсюду трупы. А по массивным каменным опорам и металлическим пролётам Змеиного моста шустро лазают ребята в военной форме без знаков различия.

– Есть ощущение, что они хотят взорвать наш мост.

– Это оскорбительно, – усмехнулся Сантеро. – Мост долж-

ны взорвать мы, и мы никому не позволим нам помешать.

– Хорошая шутка, – одобрил Крачин.

– Спасибо.

– Тем не менее предлагаю подумать вот над чем: если наши незнакомые друзья настроены решительно, зачем мешать?

Опытный эрсиец не сказал, но быстро учащийся жизни алхимик легко услышал резоны, на которые намекал обершармейстер: не придётся вступать в бой, рисковать, терять людей и даже славой делиться не придётся, поскольку каждая группа будет докладывать об успехе своему начальству и, естественно, сообщит, что взрыв устроила именно она. Другими словами: все довольны. Но Адама смущала одна мелочь:

– Я знаю, почему мы должны взорвать Змеиный мост, но не понимаю, зачем это понадобилось кому-то ещё. Улавливаешь?

Кто перед ними? Вторая диверсионная группа ушерцев? Нет. Землеройки? Но зачем они перебили своих? Что происходит?

Сантеро почесал кончик носа.

– Есть ощущение, что землеройки...

– Это не землеройки, – перебил друга Аксель.

– То есть? – опешил Адам.

– Это менсалийцы, видишь чёрные повязки? – В отличие от алхимика эрсиец был профессиональным военным и пре-

красно знал повадки наёмников с различных планет.

– Что тут делают менсалийцы? – растерялся Сантеро.

– То же, что и я, – хладнокровно ответил Крачин. – Воюют на чужой земле.

– Извини.

– За что? Лучше воевать здесь, чем на родине... – Аксель на мгновение задумался. – Менсалийцы служат землеройкам, их послали взорвать мост. А ушерское командование на тот же мост посылает эрсийцев.

– И что?

– Ничего, – пожал плечами Крачин. – Просто забавное совпадение, не находишь? Сто двенадцать лиг ночного марша по чужой территории, а теперь выясняется, что здесь нет ни одного зенитного пулемёта.

– И ещё выясняется, что землеройки хотят взорвать собственный мост, – сообразил Сантеро. – Только мне кажется, что мы оказались в центре непонятной возни, чтоб их всех трижды в левый борт?

– И это плавно возвращает нас к вопросу: что делать?

– Э-э... – Адам размышлял недолго: – Ты ведь сам сказал, что мы должны во всём разобраться. Неужели тебе неинтересно?

– Мне интересно, – кивнул Аксель. – Но я всегда держусь подальше от непонятных вещей и тебе советую. Лучше капсюлем хлопнуть, чем остаться без пальцев.

– Подальше не получится, – неожиданно жёстко ответил

Сантеро. — Мы уже вляпались.

— Ладно. — Крачин без восторга посмотрел на друга, понял, что Адам не отстанет, и вздохнул: — Менсалийцев пятнадцать, и они заняты, у меня двадцать парней и внезапность. Через десять минут я очищу мост от посторонних.

— Возьми хоть одного живым.

— Не маленький, понимаю.

* * *

— Ладно, ладно, — пробурчал Помпилио, отвечая на ехидный взгляд Нестора. — Не такие уж они и плохие, эти этажерки. Их трясёт, болтает, кажется, что они вот-вот рухнут на землю, но мы долетели, и это меня подкупило.

Дер Даген Тур привык к цеппелям — аппаратам большим, надёжным и что называется основательным; довольно благосклонно отнёсся к тяжёлым паровингам, а вот в лёгком аэроплане не почувствовал ни силы, ни мощи. К тому же его едва не стошнило в полёте, а потому единственным положительным моментом Помпилио счёл тот факт, что они с Нестором живыми добрались до точки назначения.

— Аэропланы станут лучше, — с энтузиазмом пообещал Гуда. — Им есть куда расти.

— Зато некуда летать, — хмыкнул дер Даген Тур. — Аэропланы — пленники одного неба.

— Э-э... — В какой-то момент показалось, что Нестор со-

бирается затеять спор, но Гуда решил признать очевидную правоту друга: – Так и есть. Астринг на них не поставишь.

И перевёл взгляд на взлетающие машины: доставившие адигенов пилоты покидали вражескую территорию.

– Забыл сказать: я приказал «Длани» незаметно сопровождать поезд вплоть до Убинура.

– Какой смысл, если у нас нет рации?

– Эшелон будут постоянно патрулировать аэропланы.

– Ядрёная прищпа! У нас вроде бы тайная операция.

– Самолёты у меня галанитского производства, и я велел нанести на них приотские опознавательные знаки, – рассмеялся Гуда. – Не волнуйся, я знаю, как нужно.

– Как – я вижу, а для чего?

– Самолёт над головой не помешает.

Дер Даген Тур покачал головой, показывая, что у него имеется особое мнение насчёт жужжащих на виду аэропланов, но развивать тему не стал, подхватил бамбаду и захромал к прячущемуся за небольшим холмом разъезду.

– Билеты покупать будем? – благодушно осведомился пристроившийся рядом Нестор.

– Пообещаем заплатить потом – у меня нет наличных.

– Правда? – изумился Гуда. – Ни гроша?

– А зачем?

За делами родового гнезда следил управляющий, обеспечением «Амуша» занимался суперкарго Бабарский, количество наличных на повседневные расходы контролировал

Теодор Валентин – Помпилио регулярно проверял финансовые документы, но к деньгам прикасался редко.

– А если что-то пойдёт не так, и тебе придётся одному пробираться в Унигарт?

– У меня есть моё слово и мои бамбады, не вижу необходимости в деньгах. – Дер Даген Тур усмехнулся. – Ты научишься.

– Чему? – не понял Нестор.

– Теперь ты дар, а значит, деньги потеряли для тебя прежний смысл. – И раньше, чем Гуда задал вопрос, продолжил: – Адигенам нужны деньги, чтобы вести жизнь, которую они считают достойной. У простолюдинов несколько сложнее, деньги для них – символ положения в обществе и возможность получить власть. Галаниты и вовсе выстраивают на золоте свою ущербную философию, уверяя, что нет ничего важнее богатства. Но ты – дар, у тебя есть положение, богатство и власть, а ещё – ответственность. Ты на самой вершине, но не принадлежишь себе. И деньги для тебя – инструмент, с помощью которого ты делаешь то, что нужно, или то, что хочешь.

– Всё правильно – инструмент, именно так я к ним и отношусь.

– Тогда скажи, когда ты в последний раз прикасался к лопате?

– Поймал. – Нестор усмехнулся, решив обдумать урок дер Даген Тура позже, и вернулся к насущным делам: – Как мы

отыщем Махима?

– Он в одном из трёх первых вагонов.

– Откуда ты знаешь?

– Первые три – вагоны-люкс, затем ресторан, затем вагоны второго класса, затем багажный, почтовый и только потом третий класс, – расчертил схему поезда Помпилио.

– То есть третий класс в ресторан не ходит?

– Их специально отсекают от остальных пассажиров.

– Мне всё больше и больше нравятся демократические миры.

– Обратись к психотерапевту.

– Зачем?

– Ты становишься жестоким.

– Но...

Нестор был не прочь поболтать ещё, однако Помпилио вернул его на землю:

– Обсудим, что делать.

– С удовольствием.

Учитывая, что поезд, замерший впереди, подобно огромной металлической стене, допивал последние капли воды, предложение следовало признать своевременным.

– Войдём в третий вагон, я на первый уровень, ты – на второй...

– Тихо!

Они как раз дошли до небольшого пакгауза на краю разъезда. Особо не скрывались – тянувшийся от холма кустарник

надёжно защищал адигенов от ненужных взглядов, а потому на открытом пространстве Нестор оказался неожиданно: заболтался и шагнул за угол. И тут же отшатнулся назад, схватив Помпилио за плечо.

– Тихо!

– Что?

– Посмотри сам.

Дер Даген Тур снял с плеча бамбаду, осторожно выглянул и поморщился: на противоположном конце разъезда, у домика, стояли вооружённые люди.

– Телохранители Махима?

– Какие ещё телохранители?! – заорала Орнелла.

– А кто? – огрызнулась Колотушка. – Вояки?

– Откуда им тут взяться?

– Ушерские диверсанты? Бандиты? Дезертиры? Упившиеся наёмники? Полоумное местное ополчение?

Орнелла громко выругалась.

Глупость происходящего не просто раздражала – приводила в неистовство. Убинурский скорый вот-вот уйдет, а они, десять профессиональных военных, сидят за углом станционного домика и не рискуют пройти последние двадцать метров по открытому пространству перрона. А всё потому, что осторожный Ворон засёк за дальним пакгаузом вооружённых мужиков. Кажется, двоих. Хорошо ещё, что стрельбу не открыл, умник, свистнул только, предупреждая

об опасности, и двадцать шагов – самый простой этап операции – превратились в проблему. Потому что мужики тоже укрылись, сверкнув на прощание сдёрнутыми с плеч длиннотволами.

– Может, охотники.

– Считаешь себя уткой? Или козой?

– Орнелла!

Любому другому Эбби Сирна по прозвищу Колотушка крепко врезала бы за подобную грубость, но Орнелла стояла особняком, на неё Эбби могла лишь дуться.

– Извини, – опомнилась та. – Извини.

– Я всё понимаю, – вздохнула Колотушка. – Глупая ситуация.

А как из неё выходить, следовало решать, и решать поскорее.

На операцию Орнелла Григ взяла девятерых помощников, собственно, всю группу, с которой прибыла на Кардонию, но вовсе не потому, что беспокоилась или считала задачу сложной. Просто, по её мнению, подчинённые должны пребывать в тонусе, и нет для его поддержания ничего лучше, чем бесхитростное задание: убить бывшего главного туземца и его телохранителей. Пусть ребята разомнутся, пусть наполнятся боевым задором.

До разезда они добрались два часа назад, прилетели на аэропланах и заняли позицию в кустарнике, где и дождались прибытия скорого. За всё время – ничего подозритель-

ного. Правда, минут десять назад Чёрный вроде различил тархтение авиационных двигателей, но звук оказался слишком слабым, и Григ отмахнулась.

А теперь подумала, что напрасно: аэропланы могли доставить в Чишинджир ушерских диверсантов. На разъезде всего двое служащих, оба всё время остановки скорого проторчали у водокачки, незаметно проскочить мимо них в вагон – легче лёгкого, поскольку большая часть проводников, несмотря на должностную инструкцию, предпочитала безлюдный разъезд проспать.

– Сейчас поезд уйдёт, – пробормотала Колотушка.

– Они не нападают, – медленно произнесла Орнелла. – Полагаю, им тоже нужно ехать, а раз так, почему бы нам не отправиться в вагон?

Укроп многозначительно кляцнул затвором карабина.

– Нужно быть наготове, – кивнула Григ. – Но первыми огонь не открываем, ясно? Спокойно идём к вагонам... – Паровоз дал гудок. – Не быстро, но и не медленно. Ворон и Ленивый прикрывают.

– Огонь не открываем? – уточнил Ворон.

– Только ответный.

– Глупо.

– Собрался со мной спорить? – изумилась Орнелла.

Колотушка удивлённо подняла брови, но опомнившийся боец уже заткнулся.

Наказывать его Григ не собиралась, поскольку сама удив-

лялась проявляемой осторожности: бояться двух мужиков? Что может быть смешнее! Но Орнелла всегда прислушивалась к предчувствиям, а сейчас они говорили, что с незнакомцами лучше не связываться.

Ещё один гудок.

– Приготовились. Пошли.

Григ вышла на открытое пространство первой, вышла боком, держа в поле зрения пакгауз, и тут же вздрогнула: паровозный гудок заставил мужиков прийти к аналогичному решению. Они покинули укрытие и спокойно, не быстро, но и не медленно, направились к вагонам. А увидев Орнеллу, не сделали ни одного угрожающего жеста.

– Надеюсь, мы поняли друг друга.

Сердце колотилось как бешеное, проклятый поезд тронулся, но Григ заставляла себя не дёргаться.

– Главное – сесть в поезд. Всё в порядке...

Три ступеньки, и она в нижнем тамбуре, следом Колотушка, затем Укроп, Колдун, Спичка, Губерт, Шиллер...

Нервы у Ворона не выдержали, когда в вагон поднимался Шиллер. Незнакомцы тоже добрались до поезда, и тот из них, что прихрамывал, вскинул винтовку. Возможно, он собирался закинуть её на плечо. Возможно, просто поднять, чтобы сесть в вагон. Как бы там ни было, ствол, смотревший до сих пор вниз, на мгновение уставился на Ворона, и тот...

– Нет! – Орнелла не успела. Заорала бешено: – Нет!!

Но не успела.

Ворон выстрелил, промахнулся и тут же получил ответ. Так быстро получил, словно хромой надавил на крючок одновременно с ним. Тяжёлая алхимическая пуля вошла Ворону в лоб и на куски разнесла голову.

– Дерьмо! – Другие слова Григ позабыла.

Ворон рухнул.

– Братан!

Чёрный бросился к другу в дурацкой попытке прийти на помощь. Или поддержать. Или просто – машинально бросился к другу, потому что это друг. Человек, с которым побывал во многих передрягах, которому доверял и которого любил.

– Братан!

Чёрный бросился, но хромой знал законы боя: раз начал убивать – не останавливайся. И следующий его выстрел был столь же точен, как первый. Только пуля разворотила Чёрному не голову, а грудную клетку.

На несколько мгновений ошарашенная Орнелла потеряла контроль над собой. Стояла на площадке вагона, не отрываясь смотрела на медленно удаляющиеся тела и не могла осознать, каким образом два прекрасно обученных, подготовленных, экипированных, опытных бойца погибли в течение трёх секунд.

– Там бамбальеро! – завопила Колотушка.

И всё встало на свои места.

– Я знаю! – хрипло ответила Григ. Со злостью захлопнула

дверь, повернулась и жёстко оглядела подчинённых. – Мы не должны были терять ребят!

Но оплеуха не способна сбить с ног, и случайная перестрелка, пусть даже и с бамбальеро, не должна помешать исполнению поставленной задачи.

– В какой вагон они сели?

– Куда-то в хвост, – доложила Колотушка.

Они же, вместо запланированного люкса, оказались в последнем вагоне второго класса.

– Нужно отцепиться от них, – предложил Шиллер. – Оставим полпоезда здесь, пусть бамбальеро уток стреляет, а не нас.

– Нельзя.

– Почему?

– Потому что Махим осторожен и мог перейти из люкса в другой вагон.

– В третий класс?

– Куда угодно, – отрезала Орнелла. Она уже взяла себя в руки. – Мы не можем отцеплять вагоны, пока не найдем Махима. – Пауза. – Укроп, выберись на крышу и дуй в паровоз. Учитывая обстоятельства, нужно взять его под контроль.

– Есть.

– А мы действуем по плану.

– Ты уверен?

– Да, синьор Махим, уверен, – кивнул мрачный Вельд. – Извините, что пришлось вас разбудить, но выхода не было: на разъезде произошла перестрелка, и обе враждующие группы сели в поезд.

– Уверен, что сели?

– Абсолютно.

– Плохо. – Махим потер глаза и повторил: – Плохо.

– Согласен.

Телохранителей пятеро, вооружены лишь пистолетами и сумеют ли отбиться – большой вопрос. Второй, не менее серьёзный вопрос: что за вооружённые люди сели в поезд и почему они сражались друг с другом?

– Возможно ли, что перестрелку затеяли пьяные солдаты?

– Возможно, – подтвердил Вельд. – Люди из одной группы точно носят военную форму, но я не разглядел знаков различия. – Телохранитель помолчал. – А ещё у них маленькие ранцы.

– Что это значит?

– Так снаряжают диверсантов.

– Ушерских?

– Всех.

Арбор тихонько выругался.

Разругавшись с Компанией и лишившись поста консула, Махим был готов к тому, что его попытаются убить. Устроят покушение или «несчастный случай» – не важно, главное, что попытаются. И вовсе не потому, что Арбор собирал-

ся вредить бывшим друзьям, просто злопамятность галани-тов вошла не в одну поговорку. Махим был готов к нападению, но пока он жил в Линегарте, его никто не трогал. Махим успокоился, и поэтому появление неизвестных заставило его нервничать с удвоенной силой. К тому же нападение в поезде могло навредить семье, детям, и понимание этого окончательно выбило Арбора из колеи. Он растерялся. И почти запаниковал.

– Если диверсанты пришли за мной, им не было никакого смысла шуметь на разъезде. Зачем привлекать внимание?

– Полностью с вами согласен, синьор Махим...

– Вот видишь!

– ...но не будем исключать случайности, – закончил Вельд.

Арбор вновь потёр глаза – просыпаться в такую рань бывший консул давно отвык, – вздохнул и выдал ещё одну идею:

– Может, отцепим вагоны?

– Боюсь, машинисты сразу же остановят состав.

– Мы им всё объясним.

– Не уверен, что это подействует. – Телохранитель помолчал. – А если эти люди действительно пришли за нами, в паровозе наверняка сидит их человек. Или же будет сидеть через несколько минут.

– Что же нам делать?

– Займём оборону и постараемся не допускать в вагон посторонних до самого Убинура. – Вельд ободряюще улыбнулся.

ся. – Но я рекомендовал бы вам разбудить супругу и детей.

– А с тобой, оказывается, весело! – Нестор в последний раз высунулся наружу, убедился, что локомотив продолжает набирать ход, усмехнулся и повернулся к Помпилио: – Кто это был?

– Приотские рекруты.

– Увидев нас, они насторожились, честные вояки так себя не ведут.

– Значит, кто-то не хочет, чтобы я переговорил с Махимом, – спокойно произнёс дер Даген Тур, перезаряжая «Пыльную сирень». Изначально он поделил каморы поровну: в три вставил патроны с картечью, в три – с пулями. Последних теперь не хватало. – Нужно поторапливаться.

– Они могли убить Махима в Линегарте.

– Зачем? Покушение в поезде можно свалить на ушерских диверсантов. – Помпилио выдержал многозначительную паузу. – Или на двух адигенов.

– И таким образом замести следы.

– У Махима много сторонников, Арбедалочик об этом помнит.

– Да, да, да, политика... – Нестор провел рукой по волосам. – И что теперь? Мы довольно далеко от первых вагонов.

– Пройдём через поезд.

– А наши друзья?

– Двоих я уже остановил, надеюсь, для остальных это ста-

ло хорошим уроком.

– Или они разозлились и спешат навстречу.

– Значит, мы потратим меньше времени на их поиск. – Помпилио повесил бамбаду на плечо. – Идём?

Но Гуду продолжали терзать сомнения:

– А как пассажиры отнесутся к тому, что через вагоны пойдут двое вооружённых мужчин?

– Приличные пассажиры – не дураки, они продолжают спать, даже если мы их случайно разбудим.

– Мне бы твою уверенность.

– Ты же всегда знаешь, как нужно, – припомнил дер Даген Тур девиз Нестора.

– Обычно мои приказы выполняют не меньше тысячи человек.

– Познание нового опыта ещё никому не мешало.

Помпилио повелительно указал на дверь, Гуда кивнул, распахнул её и... И адигены замерли, ошарашенно разглядывая полусонного дневального и дрыхнувших на полках солдат приотской армии. Человек этак восемьдесят, не меньше.

Глава 4,
в которой Сантеро смотрит
со стороны, Нестор отправляется
на крышу, Орнелла застревает
у окна, а Помпилио выслушивает
первого подозреваемого

– Твой брат тоже так развлекается?

– Никогда, – честно ответил Помпилио, не глядя на Гуду. – Антонио уверен, что его жизнь принадлежит Линге и ею нельзя рисковать.

– Очень правильная позиция.

– Антонио – хороший дар. – Выстрел, вскрик, очередной солдат летит под откос – зря высунул над крышей вагона любопытный нос. Точнее, любопытную голову.

– А я? – удивился Нестор, щурясь в поисках цели. – Разве я плохой дар?

– У тебя есть недостатки.

– Какие? – Выстрел, заграбийская ругань, число солдат не поменялось.

– Друзья, – хладнокровно объяснил Помпилио.

– Верно! – расхохотался Гуда. – Ты смотришь в корень.

– Сейчас – в прицел.

Выстрел, ещё один солдат захлёбывается кровью – промахивался бамбадао редко, – ещё одно тело покинуло поезд, но как долго они смогут сдерживать приотцев?

Обнаружив, что последний вагон переполнен землеройками, адигены среагировали молниеносно и единственным разумным способом: резко захлопнули дверь и бросились наутёк. Из-за хромоты Помпилио не мог действовать с привычно высокой скоростью, а потому не разглядел обитателей второго уровня – Нестор оказался на площадке раньше, – однако громкая ругань благородного дара не оставила сомнений в том, что весь третий класс забит солдатнёй.

– Ещё выше!

– Понял!

Дер Даген Тур прохромал мимо удерживающего дверь Гуды и торопливо выбрался на крышу – подтягиваться на руках получалось у Помпилио гораздо лучше бега или ходьбы.

– До багажного!

– Ага!

Пять вагонов наперегонки с поднятой тревогой. К счастью, просыпались приотские рекруты неспешно, за всё время путешествия на крышу попытались выбраться лишь три солдата, и каждый получил увесистого пинка. Добравшись до багажного, выбранного адигенами в качестве рубежа, они уселись на край вагона, сняли с плеч длинностволы и завели беседу на предмет ближайших планов, изредка уменьшая количество приотских смельчаков.

– Тебе это покажется странным, но я садился в поезд не ради перестрелки на крыше.

Помпилио прищурился, но высунувшийся было солдат юркнул обратно с поспешностью спятившей манявки, и выстрела не случилось.

– Ты отправил за борт пятерых рекрутов, кузен, их дружки от нас не отстанут.

– Нужно отцепить вагоны.

– А ты умеешь?

И адигены, воспользовавшись паузой, дружно посмотрели вниз. Переход между последним вагоном третьего класса и багажным был открытым, сцепка на виду, но ни Помпилио, ни Нестору ни разу не доводилось управляться с нею.

– Лезь и разберись, – предложил дару дер Даген Тур.

– Почему я?

– Потому что стреляешь ты отвратительно. – Выстрел. Вскрик. Минус ещё один смельчак. Помпилио напоминал стрелка по тарелочкам, спокойно выжидающего появления цели, а затем хладнокровно уничтожающего её. И помешать ему не могли ни тряска, ни ветер. – Ещё вопросы есть?

– Откуда им взяться? Ты так хорошо всё объяснил. – Нестор усмехнулся, закинул карабин за спину и ловко спустился вниз.

– Поторопись!

– Я знаю...

Со страховочными цепями Гуда совладал без труда,

но клин сцепки-буфера застрял, и через несколько секунд неудачных попыток его выдернуть Нестор признал поражение.

– Заклинило.

– Лезь наверх!

– Но...

– Нестор!

– Ладно, ладно. – Гуда попытался дернуть ещё раз, плюнул и вернулся на крышу. – У тебя есть план?

– Разумеется.

Воспользовавшись тем, что пыл приотских рекрутов окончательно остыл, дер Даген Тур достал из кармашка патронташа чёрную коробочку размером со спичечный коробок, осторожно извлёк чеку, досчитал до трёх и бросил коробочку на сцепку. Последовавший взрыв вышиб клин, и осиротевшие вагоны третьего класса принялись неспешно терять скорость.

– Нитробол? – с уважением поинтересовался Нестор.

– Ага.

Самую мощную из известных взрывчаток терпеть не могли за нестабильность, и то, что Помпилио таскал с собой гранаты на её основе, вызвало у Гуды законное удивление.

– Ты ещё безумнее, чем я предполагал, кузен.

– У меня был отличный алхимик.

– Где он теперь?

– Я отправил людей на его поиски, – непонятно ответил

Помпилио. Но уточнить Нестор не успел. – Через пару минут машинисты сообразят, что остались без последних вагонов. Тебе нужно добраться до них и не позволить остановить поезд.

– Мне?

– Я не могу, я – калека. Составлю тебе компанию только до люксов.

Адигены поднялись на ноги и побежали к голове поезда.

Больше всего на свете Орнелла Григ ненавидела опаздывать: на свидания, на деловые встречи, в оперу – Орнелла всегда прибывала вовремя или чуть раньше и тем отличалась от подавляющего большинства женщин. Или вообще – от всех женщин. Удивительная точность порой наводила на мысль о психическом расстройстве, служила поводом для шуток, но все – и начальство, и подчиненные, – сходились во мнении, что пунктуальность капитана Григ была её большим достоинством.

Орнелла ненавидела опаздывать. Особенно – на работе.

– Слышали взрыв? – Григ резко остановилась и посмотрела на подчиненных.

– Взрыв?

Последние несколько минут диверсанты занимались прочёсыванием вагонов второго класса. Трое шли по первому уровню, четверо по второму, встречались в нижнем тамбуре, молча переходили в следующий вагон, и всё начиналось сна-

чала. Подозрительный грохот застал их как раз в переходе.

– Взрыв?

– Тихо! – Капитан прислушалась, не уловила продолжения и приказала: – Эбби, окно!

Колотушка торопливо проскочила в тамбур, выглянула в окно двери и присвистнула:

– У нас проблемы.

В этом месте чугушка слегка изгибалась, стали видны последние вагоны, и подошедшие к ней диверсанты с изумлением уставились на отвалившийся, как хвост ящерицы, хвост поезда.

– Их отцепили, – растерянно протянул Губерт.

– Какой ты умный, – язвительно буркнул Спичка.

– Заткнись.

– Кажется, я знаю, кто это сделал, – протянула Орнелла.

– Те двое? – хмуро бросила Эбби.

– Те двое, – подтвердила Григ.

Перед её глазами встали Ворон и Чёрный. Мёртвые. Оставшиеся на местечковом кардонийском разъезде, где их зароят, как собак, без имён и почестей. Проклятый бамбальеро!

– Но зачем они это сделали?

На крыше одного из отцепленных вагонов появились фигурки людей, и доставший бинокль Спичка объяснил:

– Потому что там ехали приотские солдаты.

– Значит, те двое всё-таки ушерцы, – подытожила Коло-

тушка.

– Диверсанты?

– Коллеги, – ухмыльнулся Шиллер. И перевёл взгляд на Орнеллу: – Капитан, почему бы не встретить их как следует?

Шиллеру хотелось отомстить за друзей.

«Потому что там бамбальеро, идиот!»

Но отвечать так Григ не имела права, потому что командир всегда должен демонстрировать спокойствие и уверенность в себе.

– У нас есть задача, и мы...

Орнелла наконец решилась последовать совету и отцепить вагоны второго класса, чтобы обезопасить отряд от чужаков. Решилась и именно в этот момент поняла, что опоздала: уловила топот ног по крыше.

И взвизгнула:

– Они здесь!

Совершенно по-бабски взвизгнула, как растерянная клуша: проклятая парочка опередила её – её! – на шаг.

– Проклятье!

– Что?

Но объяснять подчинённым происходящее было некогда.

– Скорее! Нужно найти Махима!

Но в голове билась одна мысль:

«Опоздала!»

– Всё понятно? – жёстко повторил Укроп.

Машинист и два его помощника судорожно закивали головами. А как ещё ответишь, когда руки тянутся к потолку, в груди холодно от страха, а в глаза недружелюбно уставилось дульное отверстие крупнокалиберного пистолета?

– И чтобы никаких фокусов.

Снова кивки.

– Языки проглотили?

– Вы ведь сами сказали, что убьёте того, кто пикнет, добрый синьор, – осмелился напомнить машинист. Подавать голос ему не хотелось, но молчать после вопроса было ещё страшнее. – Извините нас.

И услышал смех.

Незнакомец вломился в кабину пару минут назад, неведомым образом ухитрившись открыть замок снаружи. Точнее, ведомым образом, конечно же, ведомым – снаружи все двери паровоза открывались универсальной ключ-ручкой, но их выдавали исключительно машинистам и бригадирам поездов. И ещё, судя по происходящему, диверсантам. Ну и полицейским, наверное.

– Если не будете дурить – останетесь живы.

Укроп хотел добавить что-то ещё, возможно – такое же пошлое, но не успел: дверь за его спиной распахнулась, и вломившийся внутрь мужчина крепко приложил диверсанта прикладом карабина. В первый момент машинисту показалось, что внутрь проникли человека три, не меньше,

и лишь когда оторопь спала, работяги поняли, что новый гость явился в одиночестве, просто ростом и шириной плеч черноволосый напоминал медведя.

– Нет-нет, руки, пожалуйста, не опускайте. Не сразу.

Теперь на них смотрел ствол карабина и... И, собственно, это было единственным отличием от предыдущей сцены.

– Кто главный?

– Я, добрый синьор, – вздохнул машинист.

– А кем был этот? – Быстрый кивок на распростёртое тело, сопровождаемый презрительным взглядом.

– Пришёл за несколько минут до вас, добрый синьор.

– Любопытно.

– Сказал, что из штаба армии, – добавил машинист.

– Из штаба армии я, – веско произнес Гуда. – Руки, кстати, можете опустить.

Ну да, из штаба: в цепарской одежде, лихо подогнанном снаряжении и с карабином в руках? И ещё акцент... Лингвистикой машинист не увлекался, особенности речи на разных планетах Герметикона не изучал, но то, как брюнет произносил «о», резало слух.

Однако спорить с вооружённым до зубов здоровяком работяги не стали.

– Это хорошо, что вы из штаба, – кивнул машинист, потирая затёкшие руки. – Мы испугались.

– В поезде действуют ушерские диверсанты.

– Это плохо.

– Но мы с ними справимся. – Нестор ободряюще улыбнулся. – Я знаю, как нужно.

– Да, добрый синьор. – Сотрудничество с предыдущим незнакомцем показало машинисту, что противоречить не следует.

– Нам пришлось отцепить несколько последних вагонов, но останавливать поезд я запрещаю.

– Да, добрый синьор.

Гуда прищурился на преданно смотрящих на него работяг, вздохнул и велел:

– Свяжите придурка и возвращайтесь к делам.

– Они отцепили последние вагоны, – угрюмо сообщил вошедший в гостиную Вельд.

– Кто «они»? – не удержалась Амалия.

– Дорогая. – Арбор взял испуганную жену за руку, но вопрос тем не менее повторил: – Кто «они»?

– Я не знаю, синьор Махим, – развел руками Вельд. – Но мне доподлинно известно, что в вагонах третьего класса в Убинур следовали солдаты пехотного батальона.

– То есть в поезде появились ушерцы?

Махим постарался, чтобы голос прозвучал твёрдо, и у него получилось. Амалия же, услышав уверенность мужа, машинально прижалась к нему плечом.

– В поезде что-то происходит, – подтвердил Вельд. – И есть высокая вероятность, что происходящее связано с на-

ми. Нужно разбудить и одеть детей, возможно, нам придётся...

– Да, детей следует разбудить.

Амалия вскрикнула. Арбор отпустил короткое ругательство. Вельд резко развернулся, в движении выхватив револьвер, но его палец замер на спусковом крючке.

– В поезде происходит странное, так что нужно быть готовым к неожиданностям, – продолжил вошедший. – Но стрелять пока рано.

Четверых подчинённых Вельд распределил неравномерно: троих отправил в конец вагона, прикрывать переход во второй люкс, а одного – в начало, держать выходящий к паровозу тамбур. Всего одного, потому что не ожидал нападения оттуда, и теперь пожинал плоды собственной непредусмотрительности: именно этого одиночку ввёл в гостиную плотный лысый мужик в цепарской одежде. Ввёл, прикрываясь телохранителем, как щитом, и именно поэтому Вельд не стал открывать огонь.

– Святая Марта, – простонала побелевшая Амалия.

А вот её супруг среагировал неожиданно спокойно.

– Помпилио дер Даген Тур, – громко произнес Махим. – Я должен был догадаться.

– Но не догадался, – резанул адиген. – Нужно поговорить.

– Вельд, не делайте лишних движений, перед вами бамбадао.

– Да, синьор Махим, – процедил телохранитель. После че-

го осторожно убрал оружие в кобуру.

А бывший консул обратился к жене:

– Дорогая, не беспокойся, у меня всё под контролем.

– Неужели?

– Поверь.

Амалия закусила губу и тихонько кивнула.

– Мы должны остаться одни, – твердо произнес Помпилио. – Скоро сюда придут.

– Мне на помощь? – с улыбкой уточнил Махим.

– Мы оба знаем, что нет.

– А вдруг?

– Хочешь рискнуть?

И Арбор понял намёк: не собой рискнуть – детьми. Удовлетворятся ли убийцы только его кровью? Какой приказ они получили? Если Арбедалочик велел изобразить нападение ушерских диверсантов, он мог потребовать грязной акции, пролить побольше крови, продемонстрировать звериную жестокость. Арбедалочик мог, так что рисковать бывшему консулу придётся не только собой.

– Оставьте нас, – глухо приказал Махим. – Нам нужно поговорить.

* * *

«Любимая Этна!

Тебе, наверное, не понравится письмо, но я не могу

не описать тебе то, что видел.

А видел я кирасиров в бою. Не отрывисто следил, сам пребывая в пылу сражения, а был сторонним наблюдателем, как зритель в синеме. И теперь я понимаю, почему многие профессионалы считают Акселя и его коллег лучшими пехотинцами Герметикона. Почему их боятся.

Почему их ненавидят.

Аксель ссадил сапёров, разделил своих парней на два «Клоро» и просто повёл в атаку. Без подготовки, без пушечных выстрелов «Бёллера», без нашего огня. Только скорость.

Мы стояли на холме и видели происходящее как на ладони. «Клоро» изрядно разогнались к мосту, и это, как мне кажется, стало для менсалийцев дополнительным фактором страха. Я знаю, слышал от ветеранов, что менсалийцы неплохие солдаты, умелые и опытные, на их планете идёт нескончаемая гражданская война, слабаки не выживают в её неестественном отборе, но даже эти прожжённые парни на несколько мгновений замерли, глядя на несущиеся бронетяги. «Клоро» считаются лёгкими, но только потому, что у них не особенно мощная броневая защита и нет пушки. Размерами кирасирский бронетяг не уступает тому же «Доннеру» и, разогнавшись, производит ужасающее впечатление.

Я никогда не стоял перед налетающими «Клоро», но, судя по ошарашенным лицам менсалийцев, которые я разглядел в бинокль, всё обстоит именно так:

страшно. Кирасиры об этом знают и пользуются.

Первый «Клоро» открыл огонь из курсовых «Гаттасов» лишь на середине моста. Второй, оставшийся на нашем берегу, зарядил из пулемётов ранние, не позволив менсалийцам разбежаться, и снял несколько человек. А потом завязался ближний бой. Не только огневой, но и рукопашный – палаши в заплочных ножнах Аксель и его ребята носят не для красоты, – и я, признаюсь, тарачился на сражение, как мальчишка.

Прости меня, любимая, но в тот момент животная аура первобытной жестокости поглотила меня с головой...»

***Из личной переписки фельдмайора Адама Сантеро
27-й отдельный отряд алхимической поддержки***

Приота, окрестности озера Пекасор, начало сентября

Сирваль, длинная горная гряда на Эрси, славилась обширными запасами различных металлов, густыми лесами и особой, очень странной травой. Необычность сирвальской травы-кленовки проявлялась по осени: ярко-зелёная, словно раскрашенная весёлым маляром, она в одночасье становилась красной, как кровь, превращая редкие безлесые вершины в алые башни, гордо возвышающиеся среди предзимнего зелёно-жёлтого буйства.

Именно кленовку вспомнил Крачин после боя, увидев залитую кровью траву вокруг Змеиногo моста, но только – после. Потому что, если хочешь, чтобы это самое «после» на-

ступило, не нужно отвлекаться во время драки.

– Не дайте им уйти!!

Маска глушит голос, получается рык, а не выкрик, но кирасиры опытные, слышат и кивками показывают, что поняли.

«Гаттасы» воют бешеными стерчами, но бьют только вперёд, вдоль моста, вдоль путей, по которым несётся колёсный «Клоро». Стрелять на такой скорости через фермы глупо – пули придут в железо, а менсалийцы, что видны сбоку, разбегаются, вот Крачин и рычит:

– Не дайте!

Но тут заканчивается мост. Резко заканчивается, был и сразу нет, и бронетяг сбрасывает скорость, чтобы ссыпались из кузова похожие на металлических големов кирасиры.

– В атаку!

А пулемёты продолжают завывать, теперь уже во все стороны, старательно добираясь до паникующих менсалийцев. Но до всех не добраться, вот и приходится бегать. Кирасиров готовят годами, тяжёлые блазитовые доспехи становятся родными, вес не чувствуется и на стремительности движений не сказывается.

– Быстро! Быстро!!

Пять человек налево, пять направо. «Клоро» дал вперёд, а кирасиры боевым веером разлетелись с насыпи. Залп из карабинов, крик, ещё один залп. Не прицельный, а чтобы сбить менсалийцев и выиграть время на прорыв. Через мгновение

прилетает ответка – кто-то из менсалийцев решил отбиваться. К счастью, пуля не винтовочная – пистолетная. Кираса принимает свинец, а его энергия заставляет здорового Аксея шатнуться назад. На секунду. Затем он возвращает равновесие, отвечает выстрелом, заставившим врага нырнуть в укрытие, отбрасывает карабин и выхватывает палаш. Прямой и тяжёлый, не приспособленный к изящному фехтованию, зато страшный в ближнем, кровавом, когда в левой руке короткоствол, а клинок собирает главный урожай, то и дело бросая на кирасу капли красного.

Похожие на брызги посечённой кленовки.

Штык, приклад карабина – ерунда. Полк Аксея оставался верен палашам, с которыми их предки ходили в лихие кавалерийские атаки. Чернарский полк любил рубиться.

Пять кирасиров соскочили с насыпи налево, но эрсийцы наступали веером, и троем менсалийцам удалось создать преимущество: трое на двоих. Однако арифметика ничего не значит, когда на ошарашенных, едва успевших схватить оружие солдат несутся закованные в блажит здоровяки, лица которых скрыты бесстрастными масками. Здоровяки без лиц. Здоровяки с палашами.

Клинки которых куда длинней, чем кажется.

Взмах – брызги кленовки – вопль. Не рассчитавший расстояние менсалиец с ужасом смотрит на отсечённую кисть. Она сжимает пистолет на земле. Боль не пришла, не успела – второй взмах режет менсалийцу горло. Не рубит голо-

ву – не надо, – просто режет, и алый фонтан летит навстречу режущему.

Аксель уворачивается от потока кленовки и тут же стреляет. Патроны в «Пятнашке» нестандартные, алхимические, и «косая молния» взрывает следующему менсалийцу голову. Справа вопль, там работает палаш, напарник рубит последнего врага в капусту.

Вопль, а сразу за ним – тишина.

Умолкают «Гаттасы», нет выстрелов, нет воплей. Тишина. Змеиный мост наш.

Мы убили всех, кого хотели.

* * *

Ничего... Ничего... Пусто... Задёрнутые шторы...

Орнелла медленно идёт вдоль края вагона, заглядывая в окна с помощью укреплённого на конце телескопической палки зеркала. Впереди, шагах в шести ближе к паровозу, тащится Колдун с дробовиком в руках, чуть позади – верная Эбби Колотушка. А в зеркале... А в зеркале снова шторы. Плотная ткань скрывает третье подряд окно, и Григ начинает злиться.

– Дерьмо.

– Что? – Колотушка расслышала звук, даже несмотря на ветер. Не слово, а именно звук, и насторожилась.

– Шторы.

Оставался последний вагон. Первый, если считать от паровоза, но последний, потому что именно в нём, вне всяких сомнений, путешествует Махим. Вагоны второго класса проверены, оба предыдущих люкса проверены, в ресторане изучен каждый угол, каждый закуток.

Остался последний вагон.

И лёгкое напряжение сменилось спокойной уверенностью: теперь диверсанты знали, где будет бой, понимали, что их ждут, и неторопливо готовились к схватке. Спичка, Шиллер, Губерт и Ленивый заблокировали переход, отрезав первый люкс от остального поезда. Внутрь не совались, ждали сигнала, но и выпускать никого не планировали. А Орнелла, Эбби и Колдун отправились на крышу – разведать обстановку. Но зеркало пока не помогало, а врываться в вагон без подготовки Григ не собиралась.

– Пожалуйста, – шепчет Орнелла, перемещаясь к следующему окну. – Пожалуйста.

И была услышана.

Первым в зеркале является напряжённый, словно провод под током, Махим.

– Есть!

Рядом с экс-консулом стоит жена, её Григ видела на фотографиях, и Вельд, досье на которого она листала перед операцией – телохранитель крутой, но лишь по кардонийским меркам. Может доставить неприятности, но не способен помешать выполнению задачи.

– Проклятье! – Махим бледен, лицо Амалии искажено страхом, Вельд держит в руке пистолет, но видно, что ошарашен. А в следующий миг Орнелла разглядела причину беспокойства, и у неё вырывается протяжный стон: – Проклятье!

– Что? – вновь подала голос Колотушка. На этот раз она разобрала слово.

– Бамбадао!

Помпилио дер Даген Тур.

Его Григ узнала без труда – не раз видела фотографии в газетах и журналах, к тому же слышала, что лингиец живет в Унигарте. Узнала, несмотря на то, что лысый адиген нарядился в простенькую цапу, штаны с накладными карманами и высокие ботинки; узнала, но не поняла, что дер Даген Тур делает в поезде, и это обстоятельство заставило Орнеллу задуматься.

С одной стороны, присутствие адигена ничего не меняло – Махима нужно убить. Бой будет. Однако зачем дер Даген Тур здесь? Что заставило его рискнуть, пересечь линию фронта и тайно сесть в поезд? О чём высокородный адиген желает говорить с бывшим консулом? Григ никогда не считала себя заурядным боевиком – только разведчиком, и никогда не упускала возможность раздобыть информацию.

– Мне нужно вниз.

– Понятно.

Задавать вопросы во время операции Колотушку не на-

учили, раз надо, значит, надо. Эбби вытащила из ранца моток веревки, зацепила карабин за технологическое «ухо» на крыше вагона, резко дернула, проверив соединение на крепость, и кивнула командиру. Григ пропустила петлю под мышками, медленно опустилась вниз, опираясь ногами на стену вагона, и остановилась на уровне окна, прикрытая от взглядов собранными шторами.

– Ещё чуть-чуть...

Вельд и Амалия вышли, дер Даген Тур и Махим уселись в кресла напротив друг друга, разговор начался, и капитан заторопилась. Левой рукой вцепилась в малюсенький выступ, изо всех сил удерживая себя на месте, а правой плотно прижала к стеклу черный раструб хитроумного «слухача», разработанного для диверсантов умельцами Компании. Ветер, конечно, мешал, некоторые фразы пропадали полностью, но основное Орнелла услышала.

– Итак, синьор дер Даген Тур...

– Учитывая обстоятельства, тебе пора избавляться от глупых привычек и обращаться ко мне, как положено. – Помпилио тяжело посмотрел на бывшего консула. – Попробуй ещё раз.

Никогда на демократической Кардонии не использовали особое, адресованное лишь адигенам обращение «адир» и его высшую форму, предназначенную для даров, их детей и родных братьев – «мессер». Всю жизнь Махим гордился

этой особенностью родной планеты, не уставал подчёркивать свободомыслие Кардонии, став консулом – активно пропагандировал такое же поведение среди соседей, и вот...

– Извините, мессер, – негромко произнес Арбор.

Он чувствовал себя предателем. Он изменил всему, во что верил, но он изгой. И ради своих детей он пойдет на что угодно.

– Даже на Белиде ты не будешь в безопасности, Махим, – тут же приступил к делу Помпилио. – Тебя найдут и убьют. И хорошо, если только тебя.

– Меня защитят друзья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.